

OLGA N. (SOFIA ENGELGARDT)

It Didn't Come Off

translated by Erik McDonald

It Didn't Come Off
(Не сошлись)

By Olga N.
(Sofia Engelgardt)

Translated from the Russian
by Erik McDonald

English translation and supporting materials © 2019, Erik McDonald.
Licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license,
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

This translation first appeared in serial form on the blog XIX век (xixvek.wordpress.com) from June 2017 to January 2018. Some minor changes have been made for this edition.

The Russian text of the story, by Olga N. (Sofia Engelgardt), is in the public domain and is available in its original form [here](#). In this e-book the Russian has been adapted to the modern orthography, with apparent typographical errors corrected and noted individually.

The image on the cover is Pavel Fedotov's *Portrait of Nadezhda Zhdanovich at the Piano* (1849).

Содержание

It Didn't Come Off (He сошлись)

Acknowledgements

It Didn't Come Off

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

XI

XII

Characters and names

НЕ СОШЛИСЬ

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

XI

XII

Works by Sofia Engelgardt (Olga N.)

Notes

Acknowledgements

My deepest gratitude to everyone who gave me suggestions about this translation or helped me better understand the story, including Muireann Maguire, Steve Dodson (Languagehat), Alex K. of winterings.net, and Maya Chhabra. I'd also like to thank a group of colleagues who helped me decide how to translate the title: Jose Vergara, Shannon Spasova, Victoria Thorstensson, and Melissa Miller.

Erik McDonald

It Didn't Come Off

A Novella

I had turned 17 when my mother moved to Moscow from the country for my coming out. My education was over, though I remained a child in the literal sense of the word. I still played with dolls, and everything that might have left me inclined to any even slightly serious occupation was painstakingly kept away from me.

Now I am forty, and the system of educating children has changed significantly since my youth. Then the task was not complicated: to bring the child to the point where it would think as it was told, or would not think at all. Once I started a sentence this way:

“I think...”

Madame Petitpierre, my governess, interrupted me: “You think? In that case you will have dinner in your room tonight. Children do not think.”

Thought was hateful to our preceptors, and no less hateful was the word “love.” It was not only avoided in conversation, but inked out in books. Speaking of books: at 17 I knew the name Pushkin only by hearsay, and in our house Gogol was called a “hayseed writer.” One understands that his works were not permitted in the drawing room. As for our children’s library, it was composed, as if by design, of the dullest books, mostly French ones. I remember one in particular that was called *Les Annales de la vertu*.¹ It was given to me on my name-day to distract me from my lessons, but they made an instrument of torture out of it. The moment you would do something wrong, the voice of the governess was raised: “Prenez à l’instant *Les Annales de la vertu*.”

O virtue! How early did our preceptors teach us, in their naïveté, to hate you. Was it not boredom brought on by you that impelled us toward slyness and deception? My governess failed to notice I had set up a secret corner in which to read that bugbear of a book. We usually spent the summer in my grandfather’s village, and how vividly I remember his old house, and especially my favorite place by the drawing room window, which was draped with a curtain in an advanced state of deterioration along its folds.

My grandfather was a lover of flowers; by the windows of the house at Tolychevo there had been planted roses and carnations, as well as a tall geranium in a faience pot. To this day I love geraniums out of nostalgia. How many times I hid as best I could behind the flowers, settled comfortably on the couch opposite an antique desk surrounded by a bronze lattice screen, and, with a hand trembling from fear and joy, I would take out of one of its many drawers Florian's novel *Gonzalve de Cordoue*. My mother had read it in her youth, and ever since then it had dwelt in an old cabinet under a thick layer of dust with a heap of my grandfather's calendars and expense ledgers. I read it from cover to cover in the hours prescribed for reading *Les Annales de la vertu*. Florian's hero became mine. I was mad for knights and chivalry, and the ideal of a man was etched into my imagination as equipped with a sword, suit of armor and helmet. For a long time my world was limited to the antipodes of Alhambra and Tolychevo.

The only strong emotion I felt in my childhood and youth was hatred for Madame Petitpierre. In her I saw nothing more nor less than a domestic spy, attached to me solely to teach me not to think, and it must be said that she carried out her duty to perfection. In our garden there was a meadow where my brother and I would play in our free time; but I would often refuse to play, instead lying on the grass and looking at the sky. Space awakened in me a vague idea of freedom. It seemed to me that I was flying into the air and looking down at *maman* and Madame Petitpierre, and they were vainly trying to reach me and sternly ordering me to come back down to the earth. Whenever Madame Petitpierre noticed me lying in the grass, she would shout right away, "Eh bien, qu'avez-vous à regarder là-haut d'un air hébété...? Elle est toujours là à rêver à quelque chose! Levez-vous."

However, Madame Petitpierre's fears were rather unfounded: I thought very little and looked quite the little fool.

My brother Misha was sent to Moscow to take his degree, and I had to spend the last three years of our sojourn in the country between *maman* and my governess. I was kept away from the neighbor girls, who were related to me, because they were of less than aristocratic lineage.

"You won't learn anything good from any Mukhranovs," *maman* would say.

I shed few tears for my grandfather's death: he was severe and unaffectionate. After burying him, *maman* decided to move the household to Moscow, which made me extremely happy. I was at last to be free from Madame Petitpierre, and therefore also from *Les Annales de la vertu* and the questions, Where are you going? What are you thinking about? and so on. She was let go decently, with thanks for her service.

My mother had lived a few years in the country out of necessity; she very much liked society and renewed her former acquaintance directly upon our arrival in Moscow. We received a circle of friends and family twice a week. My female cousins looked upon me as a fool, though my aunts considered my education to have been a success.

II

Christmas came. I was dressed up like a doll and brought to a dance. As I entered the illuminated ballroom, I was overcome by a powerful feeling of fear: it seemed to me that I was attracting general attention. This pretension caused my cousin Varenka, a quite feisty girl of nineteen, to laugh.

"Calm down, there are twenty couples dancing here. No one's even going to notice you," she said.

I really did calm down, set about dancing, and was soon convinced that in such a crowd anyone could be as free as if they were at home. I chattered away, laughed—in a word, by the end of the evening I was no longer a nestling.

"Who asked you for the mazurka?" Varenka inquired.

"That young man I danced the last quadrille with."

"Gornov? They say he's quite intelligent. While I had to dance with a near-cretin."

"Do you want to trade? I don't care."

Varenka laughed and explained to me that trading partners was only possible out in the country. This barb did not offend me a bit. Later I would learn that Gornov had heard our conversation, and that my sally had pleased him extraordinarily. We went to dance; I had grown hungry—I took a pear in

each hand and took a bite alternately from one, then the other. As luck would have it, *maman* came into the ballroom to take a look at me—and froze.

“You’ve gone mad, decent people don’t eat like that,” she said, bending toward me.

I got embarrassed and put my arms down, not knowing where to put my pears. Gornov came to my rescue.

“Oh, don’t scold your daughter,” he said to *maman*. “Her spontaneity is so charming!”

Maman gave a condescending smile.

“What am I to do with her?” she replied. “A savage, a child of five!”

I still remember my first conversation with Gornov. He asked how I spent my time, what I read, what country life was like day to day. My answers revealed my lack of intellectual development, which he called naïveté. Naïveté and primitive, unspoiled natures were starting to come into fashion...

The next day he paid us a morning visit.

Gornov had been a student in Dorpat. After completing his studies, he had spent three years in Germany and came to Moscow to receive his inheritance after the death of his father. I did not like him. Neither his manners nor his appearance corresponded to the type of the medieval knight. He had, however, one undeniable charm: an experienced look would have discerned in him a great deal of calm, dormant strength. He was tall, solid, broad-shouldered. Two lines ran the length of his rather low, nearly flat forehead; his nose was thin, sharp, with wide-open nostrils, while the rather too long lower part of his face protruded a bit forward. His grayish, tired eyes often blinked: his nearsightedness exacerbated his congenital absent-mindedness, which, like a little girl, I found funny. He danced quietly and reluctantly and looked quite the phlegmatic man. He liked everything about me that might have made another man despair: my ignorance and undeveloped mind. He used to say that the very idea of evil ought not to touch me.

“And what is evil?” he asked me once, when I had used that word in some connection.

The question left me at a loss. Unaccustomed as I was to thinking, I could not give a simple explanation. Instead of answering, I blushed and said, “I don’t know.”

Gornov laughed and looked at me with pleased affection.

He soon began to be received at our house on the footing of a fiancé-to-be. In Moscow, people started to talk about my wedding. Then *maman* found it necessary to warn me that Vladimir Pavlovich was likely to propose any day now; she alerted me to all the advantageous aspects of such a marriage. Gornov was rich and apparently of the most easygoing disposition.

“If you can just take charge of him,” said *maman*, “you’ll have him eating out of your hand.”

I understood nothing either of love or of marital obligations; the one thing about marriage that enticed me was freedom. As I understood that word at the time, it gave a woman the opportunity of being the mistress of her own house, and of taking up her work or going out for a drive on a whim. Marriage presented no other form of happiness to me. I answered neither yes nor no; however, my conversation with *maman* had prepared me for Gornov’s proposal. It did not delay in coming, and I gave my consent without coercion, but also without joy.

Vladimir soon acquired certain rights over me, and, who will believe it? he tried to uphold in every way my mother’s system of education. To lead me out of my state of childish ignorance would have struck him as apostasy. He took a just released edition of Lermontov’s poems away from me, announcing that other people’s thoughts would only spoil me. Misha took my part.

“You must understand, she still hasn’t read anything,” he said to Gornov. “She’ll be eighteen soon; it’s high time she started.”

“Hasn’t she? So much the better. It’s a thousand times better that way,” replied Gornov.

I don't recall that we ever found very much to talk about, but he liked to listen silently and with a smile to my idle chatter, which he called a child's babbling. He inspired so much trust in *maman* that she would at times go off to rest after lunch and leave me with Misha and him. When my companions entered into conversation and arguments, I would grow deathly bored listening to propositions I did not understand a word of—here I would start to play the fool, to meow, to mimic Madame Petitpierre. Gornov would suddenly erupt into that loud laughter of his, take my hand and kiss it, but as carefully as if he were afraid of crushing it in his broad hand. This meditative love, which dared not speak itself aloud, whose existence I did not discern, failed to arouse the slightest response in my heart. Shall I tell the truth? I had an incomparably better time with a certain cavalry officer from Petersburg who courted me as a grown-up young woman.

I appreciated my fiancé for giving me candies and defending me when *maman* scolded me for a violation of social decorum. I had managed to notice that he was not particularly fond of *maman*, while he, on the contrary, was the apple of her eye.

"He's a treasure, not a husband!" she said again and again. "As meek as a lamb. The only thing I'm afraid of is he'll let Nastya have her way too much."

And indeed I did not know anyone kinder, anyone more able to accommodate himself to other people's personalities, and even to their caprices. He did not have any of his own. Until the age of twenty-five he had studied tirelessly, and he often spoke of his desire to find some useful occupation, but while waiting for this occupation he wanted to spend a few months with me on the banks of the Rhine after our marriage.

III

Our wedding was postponed until autumn, and we took a cottage for the summer in Petrovsky Park, which had then become fashionable. The day after we moved in, while *maman* was still asleep, I went out into a flower garden that had been planted opposite the windows and was separated by a latticed fence from another flower garden, in which there was an appealing little house that looked like a kiosk. On a flower-bestrewn balcony rose a table set with a silver service. "Who is going to come out onto that

balcony?" I thought, not taking my eyes off it.

Suddenly a sheet from a newspaper flew off the table, whirled about in the air, and after a few minutes fell at my feet. I picked it up to return it to its prior place before the master or mistress of the house should come. But just when I ran onto the balcony, a woman of about thirty appeared in the doors leading from the balcony to the drawing room.

"I'm sorry," I said, blushing and handing her the sheet. "It fell... I picked it up..."

"Merci, merci, ma belle enfant," she replied with an amiable smile, but seemingly embarrassed.

I wanted to go away—she seized my hand.

"Wait... I'll give you a bouquet."

She quickly picked a few roses and asked,

"After all, it seems we're neighbors?"

"Yes... we are... since yesterday."

I looked at her attentively. She was average in height, somewhat plump, round-faced, and her face was distinguished by a striking whiteness and a slight, though artificial, bit of color in her cheeks. Her boldly drawn black eyebrows grew sparser where they met over her nose. I especially liked her eyes. They looked pensive one moment, bold and piercing the next. Her white teeth sparkled constantly while she spoke.

"Do you know," she said, "that I was admiring you yesterday? You were sitting next to Gornov, right there in the flower garden, and you both seemed so happy!"

"Do you know Gornov, then?" I asked.

"A little... How hot it is!"

She bent over to pick a flower; the blood rushed to her face.

"Here's a bouquet for you for luck... Are you very much in love with your fiancé?"

And she took me by the hand, smiling.

“I love him very much, of course.”

She inspired in me a powerful sympathy, and I wanted ever so much to sit and talk with her. What was striking in her manner was her Parisian chic, still a new phenomenon in our country and considered pleasant in Russian society. She had adroitly mastered French pronunciation and frequently trotted out expressions that brought to mind less the aristocratic French lady than the French *grisette*, which people here did not soon realize.

“Pin this rose to your beautiful hair,” she said. “Girls who are engaged will play the coquette.”

“That’s what everyone says.”

“And you are of the same opinion, I suppose.”

“Not in the least,” I replied, laughing. “I’ll wear this rose today solely because you gave it to me.”

She looked at me uncertainly, as if she couldn’t quite believe that I was not in love with Gornov.

I took my leave of her, fearing a more extended visit would strike her as immodest, but she stopped me again.

“Attendez donc, mon bijou... would you like a cup of cocoa?” she asked, handing me a cup.

I did not have it in me to refuse, and I began to drink the cocoa with so much appetite that the stranger could not help smiling.

“Fillette!” she said suddenly, embracing me and kissing me on the forehead.

I melted.

“What if you became acquainted with *maman*...?” I began. “We are such close neighbors...”

She was silent for a while, then took my hands in hers and replied,

“Your mother will not allow me to make her acquaintance.”

“Oh, on the contrary, she will be very glad to. Why do you think...?”

“I know your mother by reputation... She is a lady of high society and will despair if she as much as finds out that you are now at my house. I am hated in society, I’ve been slandered... But, fortunately, no one has seen you here... Farewell, it’s time for you to go home.”

“No, it’s all right, *maman* isn’t up yet. How did you come to be slandered?”

“How? My story is short. I married without love and, of course, not happily. If you knew what I’ve been through! When my patience was finally exhausted, I decided to leave my husband. He raised a hue and cry, caused a scandal, and everyone came after me, the women especially. Fate persecuted me both in my domestic life and in society... But I’m being selfish detaining you here. Leave me... but don’t forget me.”

She pressed my hand.

“Oh, no, I won’t forget you. No one will say a word against you in my presence.”

“No, no! For God’s sake, don’t tell anyone about our acquaintance if you want it to continue. Do you know what? We’ll see each other sometimes in the morning for a moment.”

“Of course we shall. Why did you marry without love?”

“I was told to... I was eighteen, and eighteen-year-old girls don’t know anything about love. Do you yourself? Didn’t you say a moment ago that you were not in love with your fiancé?”

I said nothing. It seemed to me that I would hurt Gornov if I admitted I wasn’t in love with him.

“But go, go, they’ll miss you at home,” said my stranger, giving me a light push on the shoulder blade. “Au revoir, *mignonne*... and be careful.”

Fortunately, no one had noticed my absence. *Maman* had just woken up.

Perhaps there is no young woman who has not at a certain time of life deified a woman twice her age. This feeling developed all the faster and all the stronger in me as I had had no exclusive attachments up to that time. I

was enchanted by my neighbor and by the secrecy with which she desired to cloak our rendezvous. Her name was Yelena Nikolayevna Vlasyeva. I desperately wanted to know what *maman* and Gornov thought of her, and pondered all morning how I might find out their opinion. At lunch I asked, who was leasing the dacha next to us?

“What’s it to you?” answered *maman*.

“I saw a pretty woman on the balcony, *maman*, and I thought how nice it would be to become acquainted with her.”

Maman smiled and stole a glance at Gornov. They always exchanged glances when I said “something naïve.”

“You’d probably go and bow to her, what with our being neighbors and all?” said *maman*.

“And what if she should bow to me, *maman*?”

“If she dares to, pretend you didn’t notice and turn the other way.”

I blushed with indignation. Gornov did not say a word in Yelena Nikolayevna’s favor. This offended me greatly. I had been sure that he would rise up against the crudeness of certain ways of thinking, as he always did.

“Vladimir,” I asked, when we were left alone, “what does *maman* hate our neighbor for?”

“It is not hatred, but a lack of personal respect for your neighbor.”

“What does she not respect her for?”

“And why do you want to know?” asked Gornov in a jocular tone.

“Why...? *Maman* has forbidden me to bow to her, and I should like to know what gives us the right to insult her.”

“Nothing on earth can give one the right to insult a woman, but I’d like it if you avoided her, without, however, insulting her. It’s not without reason that she has earned herself a bad reputation...”

“But maybe she was slandered...?” I interrupted him.

“No, she wasn’t slandered, and I should find it quite unpleasant if that lady

tried to latch on to you. And she is capable of that.”

“Do you know her?”

I asked this question in an unsteady voice. I felt guilty about deceiving Gornov.

“I met her three or four times last winter. I didn’t like her.”

“Vladimir,” I asked, after a short silence, “what does the phrase ‘a bad reputation’ mean, in your opinion?”

Vladimir took my hand.

“But it seems we still haven’t done any meowing today,” he said, laughing.

“You won’t speak to me seriously, yet I am not a child.”

“Oh! I don’t doubt it,” replied Gornov in a mock-serious tone.

I walked away in silence, offended by his inopportune joking. In judging me as he would a child, Gornov failed to understand that the harshness of society’s sentences had awakened a new strength in me, had roused me to the struggle for women’s rights—he did not understand that this conversation could have been the first step toward a rapprochement between him and me... Unfortunately, some blunders are irremediable.

IV

In the evening we all went to the pleasure garden.

“Good evening,” my cousin Varenka said to me. “We still aren’t dancing. Our partners are engaged—look.”

She indicated a group of young men surrounding Vlasyeva.

“Finissez donc,” added Varenka, pulling on my sleeve. “You’re staring at her, and she’s one you’re not even supposed to glance at.”²

I had already managed to touch one finger to the rose Yelena Nikolayevna had given me that morning, which was pinned to my corsage. She smiled and raised her fan to her lips to blow me a kiss only I could know about. My heart leapt with joy.

“And why isn’t one supposed to look at her?” I asked Varenka.

“Tell you and you’ll blab... Grand merci,” she replied with a nod.

Varenka was alluding to an event that had had rather unpleasant consequences for her. Once she had told me a joke on the subject of love, and I had repeated it in *maman’s* presence. My God! The trouble that led to! *Maman* announced to Varenka’s mother that her daughter was ruining my morals; my aunt flew to me to find out whether I had repeated Varenka’s story precisely. To make a long story short, the explanations took a whole month, and *maman* nearly quarreled with her sister for good. Since then, of course, my cousins had been avoiding me like the plague.

The hall was still empty. The musicians were tuning their instruments. *Maman* and my aunt were sitting decorously on a bench, while Varenka and I walked back and forth in the hall. Voices could be heard coming from the group formed by Yelena Nikolayevna and the young men. Yelena was telling some sort of story; people near her were laughing. Her outfit consisted of a white dress and a crimson burnous. All the women except her wore hats—she probably wanted to show off her dark hair, which was plaited into braids with a gold arrow hair-pin. One could not help noticing the gracefulness of her movements: she stood up and sat down gracefully, she ate ice cream gracefully. The young men were free in their manner with her. One held her fan, another her handkerchief. I noticed that Gornov bowed to her from a distance, coldly. He and Misha had found a place near an open window, and he was talking without paying any attention to Yelena Nikolayevna. But she would steal a glance at the window one moment, at me the next.

Suddenly Varenka blushed bright red and bent down, looking in all directions, as if she had lost something. I asked her, what was she looking for?

“Nothing,” she said, clearly agitated, and thrust her fingers into the waist of her dress. But the lost item was not to be found there either.

“Gentlemen,” one of the young men around Yelena suddenly said, raising his voice, “I’ve found a *billet doux*. Who’s lost it?”

Varenka grew pale and stopped mid-stride. All eyes turned to Lavrov, who was holding up a small piece of paper. The men did not move. Lavrov, with uncommon brazenness, loudly read,

“For God’s sake, try to come to the theater tomorrow...”

Yelena Nikolayevna jumped up from her chair and seized the note from Lavrov.

“The note is addressed to me,” she said, “and there is no word for what you have just done.”

I cannot forget the effect produced by this scene. Lavrov lost his composure, his expression changed; the men silently exchanged glances, the elderly ladies stood up, while Vladimir and my brother, having noticed the general confusion, came up to us asking, what had happened? But I didn’t have time to explain anything: Varenka said in a moribund voice, I don’t feel well.

“What is it? What’s happened to her?” said her mother, dumbfounded.

I replied that her corset was probably too tight. She was taken into the next room, but when she had recovered, my aunt was already prepared to go home, advising *maman* to follow her example to avoid any new scandal emanating from Yelena Nikolayevna.

Meanwhile the hall had grown restless. When he found out about what Lavrov had done, Gornov exclaimed,

“What! And he wasn’t chased out of the pleasure garden?”

Only at this point did the young men realize that he ought to be chased away, and each of them started to discuss the matter at length in his own way. He had by now contrived to disappear. The young people set off for his dacha, the delegation led by my fiancé, who, not finding him at home, wrote to him on behalf of the entire community that he was not to show his face in the pleasure garden thereafter.

Misha came home late, and I did not see Vladimir until the next day.

“Nastya,” he said, taking me aside and pulling a folded scrap of paper out of his briefcase, “give this back to your cousin Varenka, but do it discreetly. She lost a note yesterday at the pleasure garden.”

“And how did this note end up in your possession?”

“It was given to me by Yelena Nikolayevna Vlasyeva, your neighbor. She had noticed that Varenka was looking for something just as Lavrov picked up the note...”

“And she came to Varenka’s rescue...?” I interrupted him. “You see, Vladimir? And yet they say it’s shameful to exchange greetings with such a woman.”

“She behaved chivalrously, there’s no denying it,” remarked Gornov.

“Why don’t you like her?”

“There’s something about her I don’t like... mainly a lack of truth and simplicity.”

With this the conversation ended. I did not dare to stand up for Yelena, fearing I would give away our secret. What she had done delighted me, but I could not see why she had given the note to Gornov when it would have been much simpler to give it to me. I was hurt by the preference shown him in this case. Yelena’s attention to him made me jealous. Early the next morning I was already wandering near her garden. She did not delay in coming out onto her balcony. She looked around, and once convinced we were alone, she beckoned me over.

I threw my arms around her.

“Gornov gave me the note. Vous êtes un ange!” I cried.

Yelena gave a self-satisfied smile.

“But why did you give the note to Vladimir instead of me?”

She grew somewhat embarrassed and suddenly slapped her forehead.

“Oh! I must be mad! I didn’t think of it. What could have been better than to give it directly to you. What’s to be done? A total eclipse of the brain. It’s the more exasperating since I’m generally quite clever about these things, especially when others are concerned. Will you sit with me a while, my darling?”

“Yes, certainly, *maman* gets up late, and I do so like to be with you.”

“And don’t I like being with you? Tell me, is Gornov critical of me for what I did yesterday?”

“Critical of you? But how could he be? He says you behaved chivalrously.”

Yelena smiled.

“I ask this knowing he doesn’t like me and looks for bad intentions in everything I do! Tell me, does he love you very much?”

“Yes, he does. He is very kind, and he spoils me.”

“But that’s how a nurse treats a child!” exclaimed Yelena. “Dearest,” she continued after a minute’s silence, pressing my hands in hers, “why do you pretend to be indifferent when you speak of your fiancé? Be frank with me: I won’t abuse your trust. I am an honest woman. Tell me, did you agree to marry him of your own free will?”

An insuperable desire to trust her rose up in me, but I had not yet admitted my complete indifference to Gornov even to myself. Yelena repeated her question.

“Yes, I agreed to get married without being coerced. *Maman* can be a bit exacting, and Vladimir pays no attention to trifles.”

“I understand. You have a terrible time of it at home, you want to get out, a stranger comes courting, and you choose the better of bad alternatives... But will you be any better off? That could go either way”—she shook her head—“I mean, I’ve had the opportunity to find out what kind of man Gornov is.”

“Surely you haven’t found out anything bad about him?”

“It seems to me that he’s a despot at heart—you’ll be persuaded of this only with time, and you may yet come to miss your parents’ house. You can leave your mother, but there’s no escaping some husbands...”

She asked me a few questions about how things were between Gornov and me, and between *maman* and me, and she adroitly pointed out feelings I had not dared—or had not been able—to assure myself were real. Talking with her I became fully aware of my hatred for the domestic yoke and my indifference to my fiancé. It was the first time I had had occasion to say all

that I felt even to myself. After I had finished my confession, I tearfully threw my arms around Yelena.

“Pauvre chère petite!” she said, running her hand through my hair. “Do you know what? I could perhaps speak to Gornov, if you like...?”

“Oh, no!” I objected, “God forbid! If it’s discovered that I was here, it will be awful.”

“Put your trust in me—I won’t give you away. But I’d like to find out for sure: is he sincerely attached to you, or is he, like so many others, getting married to acquire a housekeeper after he’s finished sowing his wild oats? Will you give me the authority to speak to him?”

Foolish and inexperienced as I was, I realized that Yelena’s efforts would not in any case change either what I felt for Gornov or how things were between us, but in her proposal I saw a passionate desire to come to my aid, and I consented to her acting as intermediary between Gornov and me, convinced that when he got to know her better, he would come to appreciate and love her. I repeated that the slightest carelessness could lead to our separation; but in the end I was persuaded that she feared discovery even more than I did. A pretty six-year-old girl ran in from the garden onto the balcony and fixed her large, blue eyes on me; it was the work of a moment for Yelena to take her by the hand, lead her into another room, and lock the door behind her.

“Merichka might recognize you and come up to you,” she said. “Children are traitors... that’s my daughter. She’s half as good as an orphan—her father never takes any interest in her... It’s time you went home, dear... Farewell. Nastya,” she added unexpectedly, switching to the familiar pronoun, “do you love me very much?”

We parted on familiar terms. A sixteen-year-old boy would feel the joy I felt when his beloved allowed him to replace a cold “you” with a heartfelt “thou.”

V

Yelena had me entirely in her power. Whenever we didn’t have the chance to see each other, she demanded a written report of all I had said and felt

since our last meeting. After each visit, my heart was always filled with a single care: how to contrive to find a convenient moment to see her again. The main topic of our conversations was Gornov. One moment Yelena would be seeking out his ridiculous aspects, and the next she would rise up against his despotism, while she never spoke otherwise of me than as a victim. An honest feeling that she had not managed to snuff out in me compelled me to try to avoid these conversations to the extent possible, but she guided our discussions as she wished, and they bore their fruit. The thought that I was acting treacherously distanced me from my fiancé. I felt guilty about accepting the smallest trifle from him; his demonstrations of affection were limited to kissing my hand, but even this kiss I avoided like the plague. The following incident will give an idea of how things were between us. A blue dress had been made for me that Gornov liked very much. He repeated to Misha several times, "Isn't she charming today?" and looked at me with an expression I could not define, but nevertheless I felt an unpleasant sensation whenever our eyes met. Suddenly he walked up to me and put his arm around my waist; I jumped up from my chair and rushed out to the garden, leaving Gornov in a *tête-à-tête* with my brother. Poor Gornov sat for a long time, eyes cast down, and finally said to Misha, who later repeated these words to me, "C'est qu'elle est si jolie aujourd'hui la petite."

However, I felt guilty about how I had treated him. I was certain he was angry, and I was in no hurry to go back inside; he came down to the flower garden himself. I was afraid he would reproach me, and my heart beat faster with fear. But I was mistaken. Gornov only asked me, "Nastya, are you angry with me?"

"How kind he is, though," I thought, touched in spite of myself, and made no reply. After that he asked me to wear my blue dress several times, but now he admired me from afar.

Gornov lived in Moscow and could be found at the Park every day. Once he came on foot. Misha happened upon him arm in arm with Yelena and began to tease him about their stroll. Gornov, counting on my poor knowledge of German, did not mince words about Yelena.

"She forced her company on me, but I cut her short from her first words: she has intuitively sensed that Nastya and I were not made for each other, don't

you see. That made me furious, and I answered her rather sharply.”

If I had not been restrained by the fear of calling a new trouble down on Yelena’s head, I think I might have flown into a rage at Gornov. I was horrified at the thought that he had hurt her, and I made up my mind to see her that same day, come what may. Chance was on my side. After lunch we were going to go into Moscow for my aunt’s name-day, but I pretended so skillfully to be sick that *maman* left me at home and went away with Gornov. As soon as they had got into the carriage, I ran to Yelena’s.

“How do you come to pay me a visit at this hour?” she asked coldly.

“What does that mean? It’s as if you weren’t happy to see me...?”

“I am not well. I’m not in the best mood.”

“I’ve learned that Vladimir was unkind to you...”

“He’s already found time to boast of that,” interrupted Yelena, blushing.

I realized how awkward I had been, got embarrassed, and mumbled something. Yelena smirked. Red spots appeared on her cheeks; she kept discarding the end of one cigarette and lighting another.

“He is capable of honoring only bourgeois virtues,” she said with inexpressible scorn. “In certain ideas he has not progressed very far beyond your mother.”

The comparison offended me for Gornov’s sake—I wanted to object—Yelena interrupted me:

“And just listen what broad-minded theories he has about freedom of the heart and women’s rights! I’m the one who’s to blame: knowing him, I shouldn’t have taken on the ridiculous role of an intermediary between you. I behaved with the selflessness of a schoolgirl; he was quite right to give me a lecture on morality.”

“But how am I to blame if he lectured you?”

“I’ve seen better men than he at my feet,” Yelena went on, without doing me the courtesy of a reply or even a look, “God willing, I’ll get over the animosity of Vladimir Pavlovich... that Don Juan of the milliners of Dorpat!

To be fair, it's not likely you'll learn how to behave around decent women in their society—and then he plays the puritan, too! I must admit I have never met a gentleman as duplicitous as he is, but he'll catch a girl fresh out of boarding school on his hook at best.”

“I'll have it out with him, come what may,” I said.

“You will not say my name to him,” objected Yelena almost imperiously, “but if you want to put my mind at ease, for God's sake, cease all intercourse with me. I no longer wish to take advantage of your generosity and friendship.” (Yelena spoke these words with irony.) “Your future husband will not forgive you for them. Decent people are obliged to despise me, after all!”

“You're being simply merciless,” I said, scarcely holding back tears.

“No, I'm not the one who'll teach you to be merciless, but please go away, and forget that I exist.”

“Who do you take me for...? Do you think I would agree to abandon you?”

“Don't act like a child, go. I implore you to go, and without delay; I'm expecting guests...”

She took me by the hand and made me step down from the balcony.

“Don't cry,” she said coldly, “you'll soon forget me. Happiness breeds selfishness. But tell Vladimir Pavlych someday that he deprived you of a sincere friend.”

My dismay knew no bounds, nor did my indignation with Gornov, who had been, without suspecting it, the cause of my first inner sorrow. I wanted to be vindicated in Yelena's eyes, as if I were guilty of something, but I did not know where to begin or what I was guilty of. I did not take my eyes off the balcony, expecting her to appear again at any moment, to extend a hand to me, to say a kind word... but I waited in vain. A few times I was about to rush over to her, but I could not make up my mind to do so, so afraid was I of displeasing her, so frightened was I in advance of being received coldly. I spent two whole hours alone, tormented by the unexpected outcome of our meeting, and I had hoped to spend that evening so pleasantly!

As soon as everyone in the house had gone to bed, I began to write to Yelena, tears streaming as I implored her to tell me why she held me responsible for what Gornov had done. In the morning I found a way to send the letter with the girl from whom I bought flowers every day and received an answer in the same fashion. It consisted of two lines:

“My dear, precious Nastya, I am entirely to blame. Do whatever it takes to find a way to come see me.”

VI

I anxiously awaited the moment of our meeting. *Maman* went to the theater in the evening, and I found a pretext to stay home and ran over to Yelena’s.

She threw her arms around me and led me into her office. It did not have any windows. On a table next to a Turkish sofa burned a lamp; the soft carpet and quilted satin wall coverings swallowed up so much sound that not even noise from elsewhere in the house, to say nothing of noise from the street, could reach this isolated corner. There were a bouquet in a crystal vase and a basket of fruit on the table.

“Have you forgiven me?” asked Yelena in her irresistibly tender voice.

“Don’t apologize, Yelena,” I replied. “I have never loved anyone the way I love you, and our friendship is so dear to me that I wouldn’t exchange it for anything in the world.”

“Not even for Gornov?”

“What do the two things have in common? I have to love him as a husband, out of duty.”

“You repeat that word like a lesson you’ve learned by heart,” objected Yelena, “but tell me the truth, do you consider it possible to love someone out of duty?”

I said nothing, understanding instinctively that that sort of love was impossible.

“Listen,” Yelena went on, “your mother has probably ordered you to hate me: why didn’t you obey her?”

“Because I came to love you.”

“That’s clear. It follows that loving or hating someone does not depend on us?”

“Naturally.”

“A sense of duty places you under the obligation of loving your husband. If your heart did not submit to your mother’s will, can you guarantee that it will submit to obligations?”

I had never put these questions to myself so directly. I found them the more perplexing as Yelena had evidently presented them to me not without some ulterior motive. A vague fear stirred inside me: I was afraid without yet knowing what I was afraid of.

“What do you think?” asked Yelena. “Does an enviable future await a man whose wife intends to love him out of duty?”

“I must say I don’t know,” I replied. “Gornov seems satisfied with my manner of devotion and demands no other.”

“And if in time he is deprived even of this weak devotion? What will you do if you come to love another? Now you love me and have found a way to come see me in spite of your mother’s severity—well, imagine that your friendly feelings toward me are nothing more than the millionth part, a homeopathic fraction, of the devotion the one you love inspires. Is it clear that no obligations will prevent you from going wherever he takes you?”

This really was too clear, terribly clear. I looked timidly at Yelena. She went on.

“Yes, your time too will come, you will fall in love, and then you’ll realize that your devotion to Gornov is nothing more than a wretched parody of love. The two of you are performing a puppet comedy! Do you know what passion is? It takes power over you when you least expect it, and you can’t get free of it. It’s not our choice to make. Tomorrow you’ll give ten years of your life for the caresses of someone you hated yesterday. Sometimes hate is born right in the midst of passion, but you treasure this very hatred like life itself...”

Her cheeks were growing flushed, her voice raised. Finally Yelena stood before me, the Yelena they had tried to keep me away from like poison, and I had never felt her influence on me so strongly. As she spoke, I vaguely discerned many secrets kept hidden from me until then, I discerned a whole world of sensations as yet unknown to me, and I peeked into it fearfully, even as it beckoned me with irresistible charm. My heart beat; my life had reached some sort of turning point.

“So are you actually a child, or are you a woman?” she suddenly asked heatedly. “Haven’t you realized by now that I love Gornov?”

“You!” I exclaimed, throwing up my hands.

She put her head in her hands, and I was too thunderstruck to dare to approach her. I still did not understand what she expected from me.

“Yelena,” I asked finally, “you can’t love someone you don’t respect, can you?”

“As you see, you can. I’m telling you it’s not our choice to make.”

Silence fell again. I could scarcely catch my breath.

“Yelena,” I began again, “you knew him before me, and then...”

“And if it weren’t for you coming between us,” interrupted Yelena, “I would have won his love! No matter what it took!”

“So if I withdrew, if I were not between you, you would be happy?”

“Will you do that?” asked Yelena, looking at me closely.

“I’m ready to sacrifice more than that for you.”

Yelena was mad with joy, she kissed my hands, she showered me with rapturous names. I was in bliss—I had grown in my own eyes at the thought that her happiness depended on me.

“Have you loved him for a long time?” I asked.

“I fell in love with him the first time I met him. This feeling, which I was unable to subdue, got so much stronger after we saw each other yesterday that I must die or achieve my goal. There’s no other way out... Nastya, what

if you repent and go back on your word...?"

"Me? Go back on my word...?" I replied, flaring up.

"Don't be angry, forgive me. I don't doubt you, but your mother is prepared to persecute you, to torment you..."

"I'm willing to endure that... but I'm bound to Gornov by my word..."

"But you didn't know what you were getting into, did you?" objected Yelena.

"Don't you have the right to change your mind? Tell him straight out that you don't love him; he'll call it off himself. It's the simple duty of any decent man. Don't be afraid, he won't shoot himself in despair."

"That's one thing I'm not afraid of; you're right: that's not how love works."

"I'm yours to my dying day," said Yelena as she saw me out.

VII

I did not sleep at all that night, but thought about my conversation with Yelena and the important part I played in her life. My head was spinning from her effusive praise and outpourings of friendship. They raised me in my own eyes to a height I did not want to come down from, and I was irked that I did not feel more affection for Gornov than I did: if I truly loved him, I would be performing a genuine feat of self-sacrifice in yielding him to Yelena. As for Gornov himself, I was not too concerned about him: Yelena had demonstrated too clearly that his attachment to me was nothing more than a wretched parody of love, and that the two of us were performing a puppet comedy. But I must, to my shame, admit that even if I had believed in his love, I was so carried away by the brilliant role Yelena had cast me in that my heart would probably not have tightened at the thought of the blow I was preparing to deal him. More than that—I was frightened in advance of *maman's* fury, but I was not afraid of Gornov and impatiently awaited my chance to tell him how I felt, planning out every word I would say to him with cold blood and no pity.

As I concocted one plan after another, sleep began to assert its power over me, and my thoughts started to grow confused. Yelena's words rang in my ears: "your time too will come, you will fall in love too." An unfamiliar

shadow flashed before me, an unfamiliar voice half-whispered my name, someone embraced me with trembling arms. I heard my heart beating, and a shudder ran over me... The piercing sound of the clock striking woke me suddenly: I jumped out of bed and looked around, frightened. The sun had already risen. I sat on my bed and tried to collect my thoughts. Then I got dressed and went down to the garden. The fresh air refreshed me, and by the time I went at the usual hour into the drawing room, where *maman* was already sitting at the samovar, I seemed quite calm. I can see *maman* as if she were even now before my eyes. She was wearing a white peignoir, she had not had time to put on a bonnet, and her auburn hair lay flat, as if stuck to her forehead. Her beauty had vanished early; I cannot detect even a trace of it in my most distant memories. From the first I had known that same roundish, yellowed face with its ruddy cheeks, watery blue eyes, and reddish nose. *Maman* walked and spoke slowly, quietly, but when her voice was raised, it was awful, I would shake.

“Lord! How am I going to tell her about my decision?” flashed through my mind.

Maman was in a good mood.

“Why are you so pale?” she asked.

“I didn’t get much sleep, *maman*.”

“Ah! That is too bad. How can you not sleep at your age? Used to be no matter what time we went to bed, we’d sleep so sound a cannon couldn’t wake us, seems like. But you young people are different, and all cause you’ve filled your heads with God knows what. You heard how your cousin Varenka covered herself in glory?”

“No. What’s happened?”

“She really did it this time! Yesterday I saw my sister at the theater with Natasha—Varenka had stayed home. My sister’s moaning, Varvara Alexandrovna’s decided she’s going to get married. I’m going to marry Khmelyov, I love him, she says. What do you think of that? Who’s Khmelyov?” —*maman* threw up her hands—“The son of some small-time landowner, and besides that he’s just a boy fresh out of the university! My

sister says she fought and fought with her and then gave it up as hopeless. Have it your way, she says! And I say to her, if she sticks to her guns, that's what you get. I wouldn't have given up."

"What would you have done in her place, *maman*?"

"What would I have done? I'd have thrown Khmelyov out of the house and given my daughter a whipping, the kind of whipping where she wouldn't know which way was up afterwards, and she would've turned soft as silk for me. Here, have your tea."

Maman had not raised her voice; however, my hand was trembling so much that I nearly dropped my cup, but it was not fear that made me tremble, but indignation. For the first time in my life, I felt an irrepressible boldness, I was ready for open battle and felt that any persecution would give me new strength.

"Oh!" said *maman*, sighing and casting her eyes toward the ceiling, "I'll just get dressed, and I'll go into Moscow to buy you a veil for your wedding," she went on after a brief silence, "and while I'm at it, I'll stop in at my sister's to see what's going on over there."

"You ought to bring her some switches just in case, *maman*."

Maman looked at me, uncertain whether I was in earnest or making fun. I met her eyes without timidity; she seemed dimly to sense that I was not joking and replied,

"I wouldn't hesitate if she'd just turn things over to me."

Saying this, she went off to her bedroom, got dressed, and drove away, and meanwhile I was waiting for Gornov. Since yesterday I did not recognize myself; I was reborn, I was beginning to live!

"Nastya!" Yelena said loudly.

I shuddered; she was standing by the fence of the flower garden and asked, "You haven't reconsidered?"

"I am waiting for Gornov so I can call it off," I replied.

In the distance the sound of wheels could be heard on the road.

“Here he is, go away.”

“My life or death is in your hands,” cried Yelena, withdrawing.

I was in a state of feverish agitation and met Gornov on the porch; this was the first time that had happened.

“What’s this? Were you waiting for me?” he asked, delighted, smiling his kind smile at me. “Here’s a toy for you.”

He took a morocco case out of his pocket.

“You were admiring your cousin Varenka’s ring; I ordered one just like it for you.”

With these words, Gornov kissed my hand and put the ring on my finger. I felt awkward, not knowing how to accept his gift, and I felt that all my courage had ebbed away in a moment.

“Well, what do you think? Do you like it?” asked Vladimir.

“Yes... yes, very much,” I replied, and to hide my embarrassment I handed him a letter from abroad that had been sent to us to give to him. He threw a sad look my way: it was easy to see that he had been counting on his gift producing more of a reaction. “Nastya...” he began in an embarrassed voice, but suddenly he stopped, grew thoughtful, then slowly opened the letter, propped his elbow on the table, and began to read. I looked at him with an emotion that resembled fear and a pang of conscience. He tossed his hair back and leaned on his reddish hand, which was clenched into a fist. It occurred to me that that hand would not have hurt a fly, and it would easily be able to kill someone with a single blow. His broad shoulders, his thin but clearly defined eyebrows, his flaring nostrils—everything bore the stamp of moral and physical strength, and I began to be instinctively aware of that strength the moment I was preparing to struggle against it. He seemed so calm, though.

His calmness was what bothered me. I should be sorry to wake someone who was asleep to announce an unpleasant bit of news. I took my time and did not know how to lead up to the decisive conversation I had been preparing for so bravely a few hours ago. Finally the thought that Yelena’s life or death was in my hands loosened my tongue.

“Vladimir,” I began, after he put the letter in his pocket, “you really do spoil me like a child... but I... am by no means a child.”

“Children always want to be included among the grown-ups,” replied Gornov, shaking his head.

“But grown-ups are sometimes no more perceptive than children,” I objected, flushed with irritation.

“What..? What was it you said?” asked Gornov.

“I am saying that you treat me like *maman* does. When I was a child, she forbade me to think and was convinced that I was to this day incapable of stringing two thoughts together; but if I am a child, how can it be that you were willing to have me give you my word to be your wife? Surely a child doesn’t know what love is, what marriage is, what a woman’s duties are?”

Gornov was looking at me wide-eyed, unable to believe his ears. My voice was a little shaky; however, the first step towards the discussion that must be had had been taken, and I felt my courage returning. I started little by little to remember the part I had memorized, and I spoke with some spirit.

“Who explained to you what love and a woman’s duties are?” asked Gornov.

The question made me angry, but I kept myself under control.

“At eighteen these things explain themselves,” I replied. “The words aren’t going to be put in my mouth by Madame Petitpierre.”

“I hardly know you today,” he said.

“Do you think you know me at all? You are so indifferent to me that you didn’t even take the trouble to get to know me. You don’t seem to allow the possibility that I might have an opinion or feeling of my own.”

“I honestly don’t understand, I can’t collect my thoughts,” Gornov began in an unsteady voice. “I am indifferent to you...? I, Nastya? Have I really failed to convince you of my love?”

“True love makes itself known without any convincing.”

“And mine hasn’t? But if you’re not a child, how could you fail to see that I love you?”

“Like a child, that is, like a doll, a toy? If you think you love me otherwise, you are deceiving yourself. Is that how love works? Is that what people call passion?”

Gornov could not pull himself together. He looked at me without speaking. I was still so inexperienced that I got further away from my purpose with every word, and as I reproached Gornov for being too cold, I did not understand that I was provoking him into a declaration of love.

“So I don’t love you?” he asked finally, his face changing.

He stood opposite me, leaning on my armchair with both hands. I involuntarily drew back, and he fell to his knees and put his arms around my waist.

“I love you with all the strength of my soul,” he said, “my darling little girl—how many times have I wanted to smother you with kisses, but you are cold to me, and, well, I’m actually afraid to approach you. Look, even now, you can hardly keep your wits about you, you’re trembling! Can’t you see that I’m the one who’s scared of you...? But say just one word... Don’t tell me you love me—I may not live to experience such happiness—tell me at least that you give me leave to love you, that my caresses do not fill you with horror and revulsion.”

My God! What an awkward position these words put me in! I forgot about both Yelena and the purpose of what I was saying... My thoughts became confused, even as his words rang in my ears.

“Vladimir...” I whispered, but my voice caught in my chest.

“It’s torture, you know,” he continued, “You don’t understand what a torture it is to love as I love and not dare speak the words. Let me stay at your feet, at least for a few minutes... for one minute,” he pleaded, kissing my knees. “I am so happy now, and you are so pretty, without even realizing it yourself or understanding why I am so happy...”

And he pressed me closer and closer in his embraces; his iron arms clenched around me like jaws, and this seemed to intoxicate him. His kisses left a hot trail on my neck and lips.

“And you took it into your head to reproach me for being cold,” he went

on. "My darling! You must be a child if you didn't realize how dear you are to me. You say that I look on you as a child—what difference does that make if I'm prepared to go to the ends of the earth for you! I love you, I love you!" he kept repeating. "From the first moment I saw you, I forgot there were other women in the world. If they all fell in love with me, I wouldn't look at a single one of them even then."

These words instantly tore me free from the enchanted circle he had drawn me into. I remembered everything, I remembered Yelena, I covered my face in my hands and started to cry. Gornov jumped back and stood up.

"My God!" he exclaimed, despairing. "What have I done! Nastya, I must be close to making you hate me!"

It was not, however, hatred that filled my heart. It was filled with a new emotion that was both terrible and sweet. For the first time I was made aware of my power over a man's heart, but at the same time I began to understand that Gornov's feelings could not be trifled with. He looked at me with a frightened expression, unable to make up his mind to come closer. I was so touched by his timidity that I nearly extended a hand to him, but I did not dare. The image of Yelena stood between us, a living reproach. It seemed to me that every movement that might reveal not even an attachment to, but merely sympathy for Gornov would be a heavy burden on my conscience.

"Vladimir," I said, gathering my strength, "I need to talk to you."

"What is this about?"

Gornov asked this question in the tone of someone who expects something unpleasant. I wanted to go on but did not have it in me.

"Well, what is it? I'm listening."

"Well, you see... It's very serious..."

"Out with it, tell me."

He stood before me and waited for me to begin, but I could not make up my mind to speak; I did not even dare to look up at him. The silence continued for a few minutes; his gaze weighed on me like a stone—I couldn't take it

and rushed out to the balcony. Directly opposite the room, by the entrance to the flower garden, stood Yelena, waiting for her fate to be decided. I involuntarily turned away from her.

“What is it? What’s wrong?” Gornov demanded in an agitated voice.

“I cannot speak to you...” I replied, barely audible. “I shall write to you. For now, leave me, go back to town.”

“I won’t go; I want to know what this is about.”

He spoke these words harshly, almost imperiously, but noticing that I had started to tremble, he took his hat and added in a now entirely different tone,

“Don’t keep me on tenterhooks, at least; write as soon as you can. I’ll wait for your note in the coffeehouse, send it with Misha.”

My heart tightened painfully at the thought that I was preparing a cruel blow for him. Yes! I felt terribly sorry for him. I nearly stopped him when he had almost reached the door; but he stopped by himself and looked at me, probably hoping I would let him stay. He seemed so childishly kind, so good, that I rushed over to him.

“Vladimir,” I said, “will you forgive me...?”

I seized his hand, kissed it, and ran out of the room like a madwoman.

VIII

So many feelings flooded my heart that it was ready to burst. Yet amid the chaos of thoughts meandering through my head, I clearly saw the necessity of immediately fulfilling the promise I had given Yelena. I understood that the longer I delayed, the more difficult it would be to come to terms with the struggle that was only beginning in my feelings—that if Gornov should press his claim to me, I should hardly have the strength to keep my word, I should let Yelena down and be lowered in my own estimation, and I decided to avoid a meeting with Gornov at all costs. Here is what I wrote to him:

“I do not deserve your love. Without sharing it or being able to appreciate you properly, I agreed at *maman’s* request to be your wife. I failed to

understand that sooner or later you would be hurt by my coldness. Call it off, and for God's sake don't be sad on my account. It could never have come off, and you would soon have had to repent of your choice. This conviction lends me the strength to write to you, but I could not bring myself to speak to you—I was afraid I should upset you. You are infinitely good if you forgive me. Do understand that one glimpse of you would make me feel guilty, and for God's sake don't try to see me."

Misha brought this note to the café, where Gornov was waiting for him, and I ran over to Yelena's. She was keeping watch for me on her balcony.

"Gornov is yours," I said, "I called it off, I kept my word."

Yelena took me in her arms and embraced me, but her joy and gratitude failed to arouse in me the feeling that had made me delirious the previous day. I hurried back home and began to await Misha's return in an agony of impatience.

"How is Gornov?" I asked, rushing out to meet him.

"Just great after that note of yours! I didn't want to let him go back to Moscow alone, but he insisted."

Misha stopped, noticing how pale I was.

"What have you done?" he went on, growing visibly milder. "Why did you call it off? How did you have the courage? To just up and do it without consulting anyone..."

"Does he hate me now?" I asked.

"He is destroyed, annihilated; however, he tried to prove to me himself that you behaved honestly and made me promise I wouldn't reproach you for what you had done. But how will you square things with *maman* after this?"

Every word of Misha's awakened in me pangs of conscience and pity; as for *maman*, I had not even thought about her yet, but Misha wanted to remove me to a safe distance from the initial explosion of her wrath, and he took upon himself the unpleasant duty of informing her of my rupture with Gornov. My brother and I spent a whole day alone together. He was a good lad, direct, with a practical turn of mind, and he could tell that I had not

called things off with my fiancé out of the blue. But I avoided giving direct answers to any of his questions, reiterating that I had agreed to get married at our mother's request. The next day Misha informed *maman* of the great event. She ordered me to be called and, despite my brother's admonitions, showered me with reproaches and threats. But the cruder the reproaches and threats were, the more *sang-froid* I tried to display, and I would not answer a word. My silence so angered *maman* that she seized me by the arm, but Misha stood between us, imploring her to calm down. An emissary from Gornov diverted the storm from me. He handed my brother two letters: one was addressed to me, the other to *maman*. I hid mine in my pocket, while she hurriedly broke the seal of her envelope.

"This'll be him telling me off but good for my daughter's behavior too," she remarked, and began to read aloud.

Gornov, knowing what awaited me, had done everything he could to prove to her that I had every right to take back my word, that I had given it without understanding what I was getting myself into, finally that he himself realized he would not be able to make me happy, and so on. Without finishing the letter, *maman* threw it down on the table.

"What a dunce!" she said. "That's what he gets, the idiot! Another man would've yelled and screamed till she didn't know which way was up. I'll humiliate you, he'd say, I'll drive away all your suitors; I'll prove to the whole wide world that you disobeyed your mother. Men these days—nothing but wimps and weaklings!"

Maman liked the ways of high society, but in the family circle she was unrestrained in her choice of expressions. Finally I managed to hide myself away and read the note addressed to me.

"You are free, I release you from your word. I should have realized long ago that I loved you selfishly, but evidently it is impossible to love without being selfish. I was so happy that I failed to take your feelings into account. You need not fear either my hatred or my persistence. I shall spare you a new ordeal and take mercy on your kind heart. I say to you in my turn: do not be sad on my account. I shall come to terms with my sorrow, heavy though it be. It is painful to think that people will persecute you in my name, without

realizing that you are not to blame for anything. Our coming together has surely brought neither of us joy, if it could never have come off. Allow me to kiss your hands farewell.”

This note and the letter to *maman* aroused in me a feeling of gratitude and sympathy approaching exaltation. I was constantly in a feverish state that gave me no opportunity to become entirely aware either of my cooling toward Yelena or of my indifference to domestic quarrels. *Maman*’s wrath was as impossible to appease as that of Achilles. She told all our relatives one by one the story of my rupture with Gornov. Amid this turmoil, who should arrive but Madame Petitpierre.

“Oh, madame Petitpierre!” said *maman*. “We were too indulgent with her!” Sometimes her voice would drop a full tone.

“Misha,” she would say scarcely audibly, “I’ve already managed to put two thousand into her trousseau—maybe some part of what’s been bought won’t go out of fashion before your wedding; might be you’ll stumble on a decent girl who’ll take the place of a daughter for me.”

IX

His passion for Yelena had Gornov so thoroughly in its power that he abandoned his usual activities and would spend entire days at her house. Misha saw them often and assured me that Gornov was not happy. The struggle between disillusionment and passion was indeed already beginning within him. Gornov was the most forgiving of mortals when it came to others’ faults, but Yelena’s vices elicited from him an involuntary moral revulsion. Gornov hated lies and boasting—Yelena boasted and lied; Gornov liked modesty in a woman—Yelena flaunted her cynicism; he liked simplicity—with her all was calculated.

I noticed myself that he was constantly upset. This tense state distracted him from his activities and his friends. It is true that he saw me fairly often, but a chasm lay between us, and our conversation was limited to abstractions.

Yelena did not write to me, nor did she seek an occasion to see me. For my part, I was sick and did not leave my room. Has she perhaps moved to

Moscow? Has she fallen ill?—I thought, not admitting the possibility of any cooling on her part. In particular I was haunted day and night by the desire to know how things stood between her and Gornov. Finally I was drawn to see her, half-sick as I was, not by my former feeling for her, but by this agonizing desire.

I found her at her work: she was sewing new buttons onto a traveling costume.

“Ah! bonjour, ma petite chatte,” she said in an affectionate tone. “You have quite forgotten me.”

This reproach made an impression on me that was not favorable to Yelena. If either of us had the right to accuse the other of forgetfulness, then it was, of course, not her to whom the right belonged.

“And haven’t you forgotten me, Yelena?”

“What a question! Listen, you haven’t yet had a moment to tell me the details of your last meeting with Gornov. Was he upset? Tell me about how it went.”

The question struck me as indiscreet.

“I called it off in writing,” I replied.

“And what did he write back?”

“That I was free.”

“Surely that wasn’t all?”

“It was.”

Yelena became thoughtful and suddenly said,

“I’ve learned that he’s leaving for his Ryazan estate in a few days...”

I glanced at her traveling costume, and my heart tightened painfully.

“Yelena,” I asked her, “by what means can one win a man’s love?”

“Fichtre, ma petite, there’s nothing to it,” replied Yelena, smiling. “One must love him, and he will love in return.”

“It seems to me that’s not enough.”

“Of course it isn’t, if you limit yourself only to saying ‘I love you.’ But you study someone’s weak points and take whatever advantage you can from them. This one’s hobby-horse is vanity, that one’s is chivalry, and there he is in your hands... By the way, thank your cousin Varenka for losing her note at the pleasure garden...” —she laughed and went on: “Listen, three years ago I loved a certain gentleman...”

“You told me you had never been in love.”

“No, I told you I had never had any lovers, and I repeat that in that respect my conscience is as pure as a child’s.”

“So you loved a certain gentleman...?”

“Yes... Well, his weak point was vanity. I managed to convince him that he had complete power over me, and in this way I made him into whatever I wanted him to be. And he was narrow-minded, crude, and opinionated...”

“What did you love him for, then?”

“I just loved him, that’s all. It was not easy to get along with him. Sometimes I felt like I could tear him to pieces, and meanwhile I’m smiling and looking into his eyes. But I always got my way in the end, and he all but prayed to me.”

Strange! For the first time Yelena left me disconcerted in an unpleasant way. I found her to be crude in her emotions, lacking in tact and sincerity. I was not a little surprised and hurt by her indifference to the shortcomings of my domestic life. She did not even ask how things were between *maman* and me or what price I had paid for my sacrifice. I hastened to return home.

“So I’ll be leaving Moscow soon; we probably won’t see each other,” said Yelena as she took leave of me.

“Where are you going?”

“To Ryazan, to visit an aunt of mine...”

Yelena gave me a meaningful smile.

“I’ll write to you often, and my maid will bring you the letters... she’s staying

behind at the cottage.”

“Will you really write to me?”

“Word of honor.”

As she kissed me, she once again gave me her word of honor, and we parted.

Long after midnight I sat in my room, thinking about Yelena’s journey, while a dull but intolerable pain rose up in my heart. I would long be reluctant to call by its true name the emotion that had overpowered me so unexpectedly... I put my head down on my pillow and burst into tears.

X

Gornov went away.

The breaking off of our engagement had caused a stir, and for a time I became the subject of drawing-room gossip and curiosity. Everyone drew their own conclusion from the dénouement of my love affair, but nobody guessed even an approximation of the truth. Mothers called me *emancipated* and were reluctant to allow their daughters to grow close to me. Everyone cast a stone at me, with the exception of the young generation, students and other advocates of freedom of sentiment. Many of them idealized me and spoke with complete certainty about how I had refused an advantageous match in order to marry for love. As for myself, I felt that a great change had taken place within me. I became more serious, I came to love being alone and reading books. I wanted to grow until I reached Gornov’s level: but reading a book, or conversing with young people, at home, or in society, I was dogged by a secret sorrow.

And agonizing as it was, I did not want to part with it. I liked to dream about Gornov and often sat up in bed until dawn, remembering down to the smallest details the time when I had been engaged. The more my fiancé’s individual nature became clear to me, the more I was convinced that a chasm lay between him and Yelena. Their union seemed to me to be impossible. I waited impatiently for a letter from Ryazan that might vindicate my hopes, but now that she no longer needed me, Yelena considered it unnecessary to write to me. Her maid would answer my

frequent questions—“Is there any letter?”—by saying there were letters, but none addressed to me.

At the end of the summer, Gornov wrote to Misha, who read me the lines that concerned me: “What is your sister up to? Is she in good spirits? Kiss her little hand for me.”

The tears that streamed from my eyes left my brother quite at a loss. I made up my mind to trust him with my secret, and I was not a little surprised to learn that he had met Yelena more than once and had been able to form a fairly definite opinion of her from the words of a friend of his “who was on intimate terms with her,” added Misha, smiling. She had been brought up in an honest family and had married a man of her choosing, but not even two years had gone by before she was adroitly deceiving her husband, who left her. Misha had no idea she had gone to Ryazan.

“She’ll probably stick to her guns and get Gornov,” he remarked.

“Well, I don’t think Gornov will put up with a woman like that.”

“She’ll know how to make sure he does. God willing, he’ll even come to think hers is an inexhaustible well of honor. It wasn’t for nothing that she tore Varenka’s note out of Lavrov’s hands. That must be why he writes that he’s encountered a source of friendship and sympathy he’s done nothing to deserve, which is helping him bear his sorrow.”

These words awakened in me a bitter feeling of jealousy. It seemed I would have given half my life to be able to trace Gornov’s thoughts, to learn the secret of how things stood between him and Yelena, to know every word that passed between them, as if this new trial would put my soul at ease. I attempted to write to Gornov a few times but was held back by the thought, “isn’t it too late?”

Finally the summer months passed. We moved back to Moscow, and our life in society resumed its former course, but I frequently declined to go on outings, pleading illness. Fortunately Varenka and I grew close. Khmelyov, after marrying her, had received his inheritance and since then had reconciled with his mother-in-law and the entire family. Varenka saw me often and soon understood the secret of my voluntary renunciation of

society.

Once I asked if I could go visit her for a whole day. She ran out to meet me and announced that Gornov had returned to Moscow after a six-month absence and would spend the evening at her house.

Guests arrived. Each time the bell rang, my heart skipped an anguished beat and my hands grew cold.

So this was what it was, love, the love Yelena had foretold for me! What would I not have sacrificed for a day spent with him! I was mad with happiness when he came into the room and was ready to throw myself into his arms. Gornov seemed to be happy to encounter me, but something had changed in the way he pressed my hand, and he would have looked at me in an altogether different way six months before.

The conversation became general and would have lasted infinitely long had Varenka not used the heat as a pretext to take her guests off to a more spacious room. Left alone with Gornov, I was so distraught that I could not say a word.

“You’ve lost weight, you’ve changed,” he remarked with concern.

“I feel I’ve been reborn since we last saw each other.”

“Tell me, are you having a better time of it with your family?” asked Gornov. “Misha wrote to me and said you’ve been in an unenviable position.”

“*Maman* hasn’t forgiven me to this day...”

I stopped for a moment and added without looking at him,

“What about you, Vladimir? Have you forgiven me?”

“With all my heart,” he replied, extending a hand to me.

This devastating generosity sent a wave of cold over me; however, I was so blinded by my own feelings that I tried to reawaken an echo of the past in Vladimir’s soul too.

“Were you not yourself partially to blame for my coldness?” I said. “Why did you see me as a Madonna? I was a woman like any other. Unfortunately, I came to appreciate your feelings for me too late.”

Gornov was rather embarrassed, but I was even more.

“There is, of course,” he replied, “a grain of truth in what you say, Nastasya Mikhailovna...”

“Call me Nastya. I want you to retain that right.”

“What would your mother say about such a departure from propriety?”

He smiled.

“You may not know it,” I objected, “but I am always ready to sacrifice propriety to my feelings... Have you seen Yelena?”

Gornov pressed my hand firmly.

“I have,” he replied, “and I know that you, with your straightforward heart, understood what others—me first of all—failed to understand. In spite of slander, in spite of the injustice of society’s judgments, you offered her your hand. She won’t forget it.”

I hated Yelena and was unmerciful.

“Has she told you everything?” I asked Gornov.

But he did not understand my question.

“She told me everything... the whole sad story of her life. She is not the first and won’t be the last victim of evil tongues and marital despotism. I even knew her husband at one time, and he seemed a decent man.”

Gornov shrugged and, after a brief silence, went on,

“I still can’t forgive myself for my foolishness. How could I not have realized earlier the situation I had put you in? How could I not have guessed how things stood when you asked Yelena Nikolayevna to prepare me for a refusal?”

“Prepare you for a refusal! That’s not true!” I interrupted, flaring up.

“What do you mean, it’s not true?” repeated Gornov, dumbfounded.

I could not hold back.

“It’s not true! I turned you down because she asked me to, she begged me

to. She persuaded me that I was an obstacle to your mutual love and your happiness.”

Gornov looked at me wide-eyed, and his expression changed.

“Has Yelena really concealed the whole story from you?” I asked.

“No... no... naturally she didn’t conceal it from me, but I admit there are certain circumstances which I cannot reconcile with each other... There is some sort of strange misunderstanding here.”

“Vladimir Pavlovich, you doubt my words,” I exclaimed in despair.

“No! God forbid! Not yours... but hers...”

He said the last word in a low voice. He understood instinctively that I was not the one deceiving him. After a moment’s silence, he asked me to tell him how things had happened, and I told him the story of my acquaintance with Yelena from the very beginning, sparing no detail. Gornov asked a few questions that revealed less a concern for me than a desire to ascertain how far Yelena had deviated from the truth. His spasmodic movements and words betrayed a feverish agitation. A few times he reached for his hat, but he would put it back down on the floor and renew his questions about the slightest details of my story, which Yelena had told him her own way. I could not recognize the phlegmatic Gornov.

“I was able to assure myself of what a cold and egotistical heart she has,” I said in conclusion. “She hasn’t said a kind word to me since she achieved her purpose; she hasn’t written a line in six months.”

These words provoked one of those spiritual outbursts which he rarely displayed but which were impossible to forget. He seized my hands, covered them with kisses, and said with tears in his eyes,

“She may have forgotten, but I never shall.”

I leaned on his shoulder and burst out sobbing.

“It wasn’t meant to be!” said Gornov.

He began to walk around the room and probably did not hear the two or three incoherent sentences I said. He felt an urgent desire to go see Yelena

to hear her justification or to break it off; I did not detain him. After he left, I called Varenka.

“Varenka,” I said, short of breath from excitement and joy, “I knew it wouldn’t come off!”

XI

Yes! Joy and hope left me short of breath. I did not close my eyes all night. The next day I expected Gornov to come any minute and wore the blue dress he had liked so much. I wanted to resurrect his memory of times past and his former emotions not only with my own person, but also with all our surroundings. I arranged the dining room with flowers and furniture in their former places and repeated several times the melody by Schubert that he used to have me play in the winter twilight.

Maman was extremely surprised and apparently pleased when he was announced. She began to guess that I would have given much to remedy my mistake.

Gornov willingly agreed to dine with us, and once again we sat down to a meal as of old, Misha next to *maman*, and I next to Gornov.

Twenty-two years have passed since then, yet I can remember every minute of that day. I was dismayed that Gornov did not notice my blue dress. He was in an indeterminate state of mind, animated one moment and pensive the next; however, the conversation never flagged for a moment. After dinner *maman* left us alone together, not unintentionally.

A silence followed. Gornov seemed embarrassed; it was awkward for both of us. I spoke first.

“Did you notice, Vladimir Pavlovich, that nothing in our dining room has changed since last winter? The only thing missing was you.”

“It’s true, nothing has changed.”

He looked around the room and began again, with a forced smile,

“So, I got to the bottom of the misunderstanding we spoke of yesterday... do you remember? Yelena Nikolayevna admits that, with respect to me, she is

entirely to blame; as for you, she was convinced that you had agreed to become my wife against your will. You must admit she had some reason to think so. Her main fault lies in her inability to make up her mind to explain the whole affair as it happened... But she was suffering pangs of conscience and preparing to tell me everything, with your help..."

"With my help...?"

"Yes... She was counting on exactly this happening—you telling me all about it—and she thanks you for anticipating her and lifting a weight from her shoulders."

I cast my eyes down and started looking at the floor. Another silence followed, but this time I was not the one to break it.

"Oh!" he said suddenly. "Yelena Nikolayevna did write to you, twice. She is beside herself that her letters were not given to you."

"Strange! I asked her maid several times if there were any letters and always received an answer in the negative."

Gornov blushed slightly.

"The maid lied," he said. "That's clear."

"So much the better."

This phrase displeased him. He started to pull on a glove, took it off, threw it on the table, and said, looking fixedly at me,

"I should be unhappy not only if I could doubt her sincerity myself, but even if someone else were to doubt it. I've tried to love a woman I did not respect, and it didn't work; I couldn't force myself to do it. God forbid I should come to think she had ever lied! You don't know how taxing the struggle between passion and one's moral feeling can be! I tried it once, and I don't think I could take it again."

He stopped for a moment and eventually repeated,

"I couldn't stand it! God forbid I should deceive my heart and imagination with misused words like 'compassion' and 'forgiveness.' This going from love to hate and hate to love, it wears you out, it makes you small-minded, you

lose all self-respect.”

“Did your first love last long?” I asked.

“Until I knew for sure I was mistaken. That woman deceived me, assuring me she had loved no one before me. And to what end? I did not demand that she account for her past, I should have forgiven her anything. An obliging friend brought me a letter she had written to one of her previous... admirers; I showed her the letter; do you know what she did? She claimed her handwriting was not her own! If she had but blushed! If her voice had at least altered!”

He stopped and added, as if objecting against himself,

“No! She... Yelena Nikolayevna is incapable of deceit. On the contrary! Her great misfortune is that she always, and in all company, wears her heart on her sleeve. Of course, she has faults, but a strong moral feeling ennoble and renews the soul... Listen,” he went on, “if you doubt her in the slightest, don’t tell me so, spare me... Otherwise all is lost for me. You don’t know me; I’m prepared to deceive myself, to close my eyes voluntarily, to avoid arriving at the realization that she is unworthy of my affection.”

I was about to object, but he interrupted me:

“As for you, Nastya, please consider me a constant friend. You can count on my friendship, put it to the test. I shall be happy if I have occasion to prove it to you not only in word but in deed.”

I offered him my hand. We both stood up; as we walked past the piano, I stopped involuntarily...

The melody by Schubert lay open.

“Do you remember this melody?” I asked, indicating the music book.

“How could I not!” he replied, squinting to look at the music. “You play it masterfully.”

And he left.

XII

As a child I loved to listen to my kind nanny’s stories. Under their influence,

my imagination would draw fantastic images, but none of the stories impressed itself as firmly on my memory as the following one:

“An old man’s walking down a path, a black-robed monk’s walking down a path in the wilderness. He’s tired, exhausted, tormented by hunger and thirst. There’s no one there to give the old man anything to drink or anything to eat, no one to let the black-robed monk rest. And he came to a valley, and in that valley he sees a great and wondrous city. In that city there are many gold-domed churches of God, in that city there are many stone houses, tall mansions, beautiful towers, there are long streets, wide, paved, streets, and no end of lanes and alleyways. The old man looked around in all four directions and he sees that this city is a city he knows and loves. When the old man was young, he lived in this very city, he had many people here he knew and loved; his life in that city was full of joy, and he loved it with all his heart. The old man crossed himself, he prayed to God in all four directions, he bowed to the ground to his beloved city. And he went into that city. Now the black-robed monk thinks, here I’ll find my brothers, and those I know and love, my old, true, faithful friends. My friends will give me something to drink and something to eat, they’ll let a worn-out old man rest... The old man walks up and down the streets, he doesn’t see a single person; the black-robed monk wanders up and down the alleys, and he doesn’t meet a living soul. He knocks on one window, then another, and there’s not a word in answer. He goes into a broad courtyard he knows—not a word in answer. He goes into a mansion he knows—not a word in answer. He wanders through the empty mansion—not a word in answer. And the old man asks himself, what has become of my brothers, of those I love, of my old true friends, where are all the people of this city? Have they gone to God’s house, to Christ’s church, to pray to the Lord, to bow down before the saints, to light a candle, to hear a prayer, to purify their souls of sin? The old man goes into the temple of the Lord, the black-robed monk goes into God’s church, and it’s empty, there’s not a single living soul in it. And the old man walks around the empty city for three days and three nights; he walked, he walked, and he went out of the city. He sat at the gates and started to cry. And the fire-bird flew down to the old man and spake to him in a human voice: ‘hail, old man, black-robed monk, do not cry, do not grieve, do not despair, do not mourn; sit on my golden feathers, and I, the fire-bird, will

carry you beyond the deep blue sea to Blessed Island, to a great city, to a rich city, to a crystal palace, to a mansion made of gemstones. In that mansion lives a queen fair of face—she has a bright sun on her forehead, and a bright moon on the back of her head, and her fair curls are thick with stars.’ The old man said to the fire-bird in answer, he said in answer, crying all the while, ‘do not carry me, fire-bird, beyond the deep blue sea, do not tempt an old man with a crystal palace, do not tell me of a queen fair of face. I have nothing to do with the cities of other lands, I came to the city of my birth, and there I heard not a word in answer.’”

After Gornov went away, my nanny’s fairy tale came to mind. It now seemed to me it was a kind of symbol. The empty city is a soul that has ceased to love. No matter what corner of it you knock at, everything is empty, love receives not a word in answer. Friendship? But that queen is beyond the deep blue sea.

I took off my blue dress, put Schubert aside, looked at the furniture and flowers in the now empty dining room and... started to cry, like the black-robed monk at the gates of the empty city.

OLGA N.

Characters and names

Russian names are made up a first name, a patronymic based on one's father's first name, and a surname. Where men's surnames end in –in or –ov, women's surnames have an additional –a ending, so that Vlasyeva is a feminine form of Vlasyev. In descending order of formality, these forms of names are used in "It Didn't Come Off":

- Full first name and full patronymic (Varvara Alexandrovna, Vladimir Pavlovich)
- Full first name and abbreviated patronymic (Vladimir Pavlych)
- Surname used by itself in the third person (Gornov, Lavrov, Khmelyov)
- Full first name by itself (Vladimir, Yelena)
- Any of several possible affectionate nicknames formed from the first name (Nastya from Nastasya, Misha from Mikhail)

The characters are:

- Nastasya Mikhailovna (Nastya), the narrator
- her mother (*maman*)
- Madame Petitpierre, her governess
- her grandfather
- Misha, her brother
- Varvara Alexandrovna (Varenka), her cousin
- Vladimir Pavlovich Gornov
- Yelena Nikolayevna Vlasyeva
- Lavrov, a man who finds a *billet doux*
- Merichka, the young daughter of Yelena Nikolayevna
- Natasha, Varenka's sister
- Khmelyov, Varenka's fiancé and later husband

НЕ СОШЛИСЬ

Повесть.

Мне минуло 17 лет, когда мать моя переселилась из деревни в Москву, чтобы вывозить меня в свет. Мое воспитание было кончено, хотя я осталась ребенком в буквальном смысле слова. Я еще играла в куклы, и от меня тщательно удаляли все то, что могло бы меня приохотить к сколько-нибудь серьезному занятию.

Мне теперь сорок лет, и система воспитания значительно изменилась с моей молодости. Тогда задача была не сложная: довести ребенка до того, чтоб он думал как прикажут, или вовсе не думал. Раз я начала фразу таким образом:

— Я думаю...

Мадам Петипьер, моя гувернантка, меня перебила:

— Вы думаете? в таком случае вы будете обедать сегодня в своей комнате. Дети не думают.

Нашим наставникам была ненавистна мысль, и точно так же ненавистно слово *любовь*. Его не только избегали в разговоре, но вымарывали чернилами в книгах. Кстати о книгах: в 17 лет я знала имя Пушкина лишь понаслышке, а Гоголя у нас прозвали *избеным писателем*. Понимается, что его произведения до гостиной не допускали. Наша же детская библиотека была составлена, как на подбор, из самых скучных книг, большею частью французских. В особенности мне памятна одна, под заглавием «Les annales de la vertu». Мне ее подарили в именины для развлечения от уроков, но сделали из нее орудие пытки. Как, бывало, в чем-нибудь провинишься, возвышался голос гувернантки: «Prenez à l'instant «Les annales de la vertu».

О, добродетель! как рано наши наставники, в простоте душевной, учили тебя ненавидеть. Не тобой ли наведенная скука побуждала нас к хитрости и обману? Моя гувернантка не замечала, что я себе завела

заветный уголок для чтения пугала-книги.³ Лето мы проводили обыкновенно в деревне моего деда, и как живо помню я его старый дом, и в особенности мое любимое место в гостиной у окна, драпированного истлевшею по складкам занавеской. Дедушка был охотник до цветов; около окон Толычевского дома распускались розы, гвоздики и, между прочим, высокая герань в фаянсовом горшке. До сих пор я люблю герань по воспоминанию. Сколько раз я скрывалась, по возможности, за цветами, устраивалась уютно на диване против старинного стола, обнесенного медною решеткой, и вынимала, дрожащей от страха и радости рукой, из одного из многочисленных его ящичков роман Флориана «Gonzalve de Cordoue». Мать моя прочла его в молодости, и он с тех пор покоился в старом шкапе под густым слоем пыли, вместе с грудой календарей и расходных книг моего деда. Я его прочла от доски до доски в часы, назначенные для чтения «Annales de la vertu». Флориановский герой сделался моим героем. Я бредила рыцарством, и идеал мужчины врезался в мое воображение вооруженный мечом, латами, шлемом. Долго мир ограничивался для меня антиподами: Аламброй и Толычевом.

Единственное резкое чувство, которое испытала я в детстве и юношестве, была ненависть к мадам Петипьер. Я в ней видела ни более ни менее как домашнего шпиона, приставленного ко мне для того только, чтоб отучить меня думать, и надо сказать, что свою должность она исправляла в совершенстве. У нас в саду был лужок, на котором мы играли с братом в свободные часы; но я часто отказывалась от игры, ложилась на траву и смотрела на небо. Пространство пробуждало во мне смутное понятие о свободе. Мне казалось, что я лечу к небу и смотрю с высоты на татап и мадам Петипьер, а они стараются напрасно меня достать и грозно приказывают возвратиться на землю. Как, бывало, заметит мадам Петипьер, что я лежу на траве, так сейчас и крикнет: «Eh! bien? qu'avez-vous à regarder là-haut d'un air hébété?.. Elle est toujours là à rêver à quelque chose! Levez-vous.»

Однако опасения мадам Петипьер были довольно неосновательны: я очень мало думала и смотрела совершенною дурочкой.

Брата Мишу отправили в Москву для окончания наук, а мне пришлось

провести три последние года нашего житья в деревне между татап и моею гувернанткой. Меня удаляли от соседних девочек, моих родственниц, потому что они были неаристократического происхождения.

— Добру не научат какие-нибудь Мухрановы, говаривала татап.

Смерть моего деда я мало оплакивала: он был угрюм и не ласков. Похоронив его, татап решила переселиться в Москву, что меня чрезвычайно обрадовало. Я освобождалась, наконец, от madame Петипьер и вместе с тем от «Annales de la vertu» и от вопросов: куда ты идешь? о чем думаешь? и т. п. Ей отказали прилично, поблагодарив за услуги.

Мать моя прожила по необходимости несколько лет в деревне; она очень любила свет и возобновила прежние знакомства тотчас по приезде нашем в Москву. Мы принимали два раза в неделю приятельский и родственный кружок. Кузины смотрели на меня, как на дурочку, зато тетки нашли, что мое воспитание удалось.

II.

Наступило Рождество. Меня нарядили как куклу и повезли на танцевальный вечер. При входе в освещенную залу мной овладело сильное чувство страха: мне казалось, что я обращаю на себя общее внимание. Эта претензия рассмешила кузину Вареньку, пребойкую девятнадцатилетнюю девушку.

— Успокойся, здесь двадцать пар танцующих. Тебя никто и не заметит, сказала она.

Я действительно успокоилась, пустилась танцевать и скоро убедилась, что в такой толпе всякий свободен, как дома. Я болтала, смеялась, словом, совсем оперилась к концу вечера.

— Кто тебя звал на мазурку? спросила у меня Варенька.

— А тот молодой человек, с которым я танцевала последнюю кадрили.

— Горнов? Говорят, он очень умен. А мне пришлось танцевать только что не с кретином.

— Хочешь поменяемся? Мне все равно.

Варенька рассмеялась и объяснила мне, что обмен кавалеров возможен только в провинции. Эта колкость меня нисколько не обидела.

Впоследствии я узнала, что Горнов слышал наш разговор и что моя выходка ему чрезвычайно понравилась. Мы пошли танцевать; я проголодалась, взяла в каждую руку по груше и откусывала поочередно то от одной, то от другой. Как нарочно, матан вошла в залу, чтобы на меня взглянуть — и обмерла.

— Ты сошла с ума, порядочные люди так не едят, сказала она, наклонясь ко мне.

Я сконфузилась и опустила руки, не зная, куда девать мои груши. Горнов меня выручил.

— Ах! не браните вашу дочь, сказал он матан. — Ее необдуманность так мила!

Матан снисходительно улыбнулась.

— Чтó с ней делать? отвечала она, — дикарка, пятилетний ребенок!

Я еще помню мой первый разговор с Горновым. Он расспрашивал о моих занятиях, о чтении, о деревенском житье-бытье. Мои ответы обнаруживали крайнюю неразвитость, которую он называл наивностью. Наивность, первобытные природы начинали тогда входить в моду...

На другой день он явился к нам с утренним визитом.

Горнов был дерптский студент. Окончив курс, он провел три года в Германии и приехал в Москву для получения наследства после смерти отца. Он мне не понравился. Ни его приемы, ни наружность не соответствовали типу средневекового рыцаря. В нем была однако неоспоримая прелесть: опытный взгляд угадал бы в нем много спокойной, спящей силы. Он был высокого роста, плотен, широкоплеч. Две складки пересекали вдоль невысокий, почти плоский лоб; нос был тонкий, острый, с широко открытыми ноздрями, а нижняя, слишком длинная часть лица выдавалась немного вперед. Он часто прищуривал свои сероватые и усталые глаза: близорукость усиливала врожденную его рассеянность, которую я забавлялась, как девочка. Танцевал он тихо

и неохотно и смотрел флегматиком. Ему нравилось во мне все то, что́ другого могло бы привести в отчаянье: мое невежество и неразвитость. Он говорил, что даже понятие о зле не должно до меня касаться.

— А что́ такое зло? спросил он меня раз, когда я употребила к чему-то это слово.

Вопрос меня озадачил. С непривычки думать, я не умела дать простого объяснения. Вместо ответа, я покраснела и сказала:

— Не знаю.

Горнов засмеялся и посмотрел на меня с умилением.

Его скоро стали принимать у нас на ноге будущего жениха. В Москве поговаривали о моей свадьбе. Тогда татап нашла нужным меня предупредить, что не сегодня, завтра Владимир Павлович Горнов за меня, вероятно, посватается; она обратила мое внимание на все выгодные стороны такого брака. Горнов был богат и нрава, по-видимому, самого уживчивого.

— Если ты только сумеешь взять его в руки, сказала татап, — он с тебя будет порошок обдывать.

Я не имела понятия ни о любви, ни о супружеских обязанностях; в замужестве меня прельщало одно — свобода. В моих тогдашних понятиях это слово давало женщинам возможность хозяйничать в собственном доме и заниматься или выезжать по прихоти. Другого рода счастья замужство мне не представляло. Я не отвечала ни «да», ни «нет», однако разговор с татап подготовил меня к предложению Горнова. Оно не замедлило, а я дала свое согласие без принуждения, но и без радости.

Владимир скоро освоил себе некоторые права надо мной, и кто этому поверит? он старался всячески поддерживать систему воспитания моей матери. Вывести меня из состояния детского невежества показалось бы ему святотатством. Он похитил у меня только что вышедшие в свет стихотворения Лермонтова, объявив, что чужие мысли меня только испортят. Миша за меня заступился.

— Ты пойми, что она еще ничего не читала, сказал он Горнову. — Ей

скоро восемнадцать лет, пора начать.

— Не читала? и тем лучше, тысячу раз лучше, отвечал Горнов.

Я не помню, чтобы мы когда-нибудь разговорились, но он любил слушать молча и с улыбкой мою пустую болтовню, которую называл детским лепетом. Он внушал такое доверие татап, что она, бывало, отправится отдохнуть после обеда, а меня оставит с Мишей и с ним. Когда мои собеседники пускались в разговор и споры, мне становилось до смерти скучно слушать прения, в которых я не понимала ни слова, вот я, бывало, начну дурачиться, мяукать, передразнивать мадам Петипьер. Горнов вдруг разразится своим громким смехом, возьмет мою руку и поцелует, но так осторожно, как будто бы боялся смять ее в своей широкой руке. Эта мечтательная любовь, которая не смела высказаться, которой я не угадывала, не вызывала ни малейшего отголоска в моем сердце. Сказать ли правду? Мне было несравненно веселей с одним петербургским конногвардейцем, который за мной ухаживал, как за взрослою девушкой.

Я дорожила моим женихом, за то что он меня лакомил конфетами и отстаивал, когда татап меня бранила за отступление от светских приличий. Я успела заметить, что он недолюбливал татап, а она, напротив, души в нем не знала.

— Не муж, а клад! повторяла она. — Водой не замутит. Боюсь одного только: он даст Насте слишком много воли.

И то сказать, я не знавала человека добрее, более способного приноровиться к характеру других, даже к чужим прихотям. Своих за ним не водилось. До двадцати пяти лет он занимался без устали и часто говорил о желании найти полезную деятельность, но в ожидании этой деятельности ему хотелось провести после женитьбы несколько месяцев со мной на берегах Рейна.

III.

Нашу свадьбу отложили до осени, а на лето мы наняли дачу в Петровском парке, вошедшем тогда в моду. На другой день нашего переселения, пока татап еще спала, ранним утром, я вышла в цветник,

разбитый против окон и отделенный решеткой от другого цветника, в котором стоял затейливый домик, похожий на киоск. На балконе, обставленном цветами, возвышался стол с серебряным прибором. «Кто выйдет на этот балкон?» думала я, не спуская с него глаз.

Вдруг со стола слетел журнальный листок, закружился в воздухе, и через несколько минут упал к моим ногам. Я подняла его, с тем, чтобы вернуть на прежнее место до появления хозяев дома. Но в ту минуту, как я вбежала на балкон, женщина лет тридцати показалась в дверях, ведущих с балкона в гостиную.

— Извините, сказала я, краснея и подавая ей листок. — Он упал... я его подняла...

— Merci, merci, ma belle enfant, отвечала она, улыбаясь приветливо, но с видимым смущением.

Я хотела удалиться, она меня схватила за руку.

— Погодите... я вам дам букет.

Она срезала проворно несколько розанов и спросила:

— Ведь мы, кажется, соседки?

— Да... соседки... со вчерашнего дня.

Я смотрела на нее со вниманием. Она была среднего роста, несколько полна, круглолица, а цвет лица отличался ослепительной белизной и легким, хотя и поддельным, румянцем. Смело очерченные черные брови редели при соединении на переносице. Мне в особенности понравились ее глаза. То они смотрели задумчиво, то смело и пронзительно. Белые зубы безпрестанно сверкали, когда она говорила.

— Вы не знаете, сказала она, — что я вами любовалась вчера? Вы сидели рядом с Горновым, вот там, в цветнике, и оба казались так счастливы!

— А разве вы знаете Горнова? спросила я.

— Немного... Как жарко!

Она нагнулась, чтоб срезать цветок; вся кровь бросилась ей в лицо.

— Вот вам букет на счастье... Вы очень влюблены в вашего жениха?

И она взяла меня за руку, улыбаясь.

— Конечно, я его очень люблю.

Она внушала мне сильную симпатию и мне до смерти хотелось поболтать с ней. В ее приемах поражал парижский шик, который был еще новым явлением у нас и нравился в русском обществе. Она ловко освоила себе французский выговор и щеголяла часто выражениями, которые напоминали не парижских аристократок, но парижских гризеток, о чем у нас не скоро догадались.

— Приколите эту розу к вашим прекрасным волосам, сказала она, — невесты кокетничают.

— Это все говорят.

— И вы того же мнения, я полагаю.

— Нисколько, отвечала я, смеясь. — Сегодня я надену эту розу в воксале, потому только, что вы мне ее дали.

Она посмотрела на меня с недоумением, как будто ей не верилось, что я не влюблена в Горнова.

Я простилась с ней из опасения, чтобы более продолжительный визит не показался ей нескромным, но она меня опять остановила.

— Attendez donc, mon bijou... Не хотите ли вы чашку шоколада? спросила она, подавая мне чашку.

Я не имела духа отказаться и принялась за шоколад с таким аппетитом, что незнакомка невольно улыбнулась.

— Fillette! сказала она вдруг, обнимая меня и целуя в лоб.

Я растаяла.

— Если бы вы познакомились с татап?.. начала я. — Мы такие близкие соседки...

Она помолчала немного, потом взяла меня за руки и отвечала:

— Ваша мать не согласится познакомиться со мной.

— Ах, напротив, она будет очень рада. Почему вы думаете?..

— Я знаю вашу мать понаслышке... Она светская женщина и будет в отчаянии, если только узнает, что вы теперь у меня. В свете меня ненавидят, меня оклеветали... Но к счастью, вас никто здесь не видал... Прощайте, вам пора домой.

— Нет, ничего; татап еще не встала. За что ж вас оклеветали?

— За что? История моя коротка. Я вышла замуж без любви и разумеется, не на радость. Если бы вы знали, через что я прошла! Когда мое терпение наконец истощилось, я решила оставить мужа. Он поднял шум, наделал скандал, и на меня все бросались, в особенности женщины. Судьба меня преследовала и в семейной жизни и в обществе... Но я поступаю, как эгоистка, задерживая вас у себя. Удалитесь от меня... но не забывайте.

Она пожала мою руку.

— О, нет, я вас не забуду. В моем присутствии никто об вас не скажет дурного слова.

— Нет, нет! ради Бога, не говорите никому о нашем знакомстве, если вы хотите его поддержать. Знаете что? Мы будем видаться иногда мельком по утрам.

— Конечно, будем. Почему вы вышли замуж без любви?

— Велели... Мне было восемнадцать лет, а восемнадцатилетние девочки не имеют понятия о любви. Да вы сами? Не говорили ли сейчас, что вы не влюблены в вашего жениха?

Я молчала. Мне казалось, что я обижу Горнова, если сознаюсь, что не влюблена в него.

— Ну подите, подите, вас хватятся дома, сказала моя незнакомка, толкнув меня тихонько за калитку. — Au revoir, mignonne⁴ ... и будьте осторожны.

К счастью, никто не заметил моего отсутствия. Матап только что проснулась.

Нет, может быть, молодой девушки, которая не испытала бы в известном возрасте чувства обожания к женщине вдвое ее старше. Во мне это чувство развилось тем быстрее, тем сильнее, что у меня не было еще исключительных привязанностей. Я была очарована моею соседкой и таинственностью, которую она желала окружить наши свидания. Ее звали Елена Николаевна Власьева. Я смертельно желала знать, что́ татап и Горнов думали об ней, и целое утро обдумывала, как бы выведать их мнение. За обедом я спросила, кто нанимает дачу рядом с нами?

— На что́ это тебе? отозвалась татап.

— Я видела хорошенькую женщину на балконе, татап, и думала, как бы хорошо с ней познакомиться.

Матап улыбнулась и взглянула украдкой на Горнова. Они всегда переглядывались, когда я говорила *наивность*.

— Ты, чего доброго, ей, пожалуй, по соседству-то, поклонись? сказала татап.

— А если она мне поклонится, татап?

— Если она осмелится это сделать, прикинься, что не заметила, и отвернись.

Я покраснела от негодования. Горнов не замолвил слова в пользу Елены Николаевны. Это меня очень оскорбило. Я была уверена, что он, как и всегда, восстанет против грубости некоторых понятий.

— Владимир, спросила я, когда мы остались вдвоем, — за что́ татап ненавидит нашу соседку?

— Это не ненависть, а неуважение к личности вашей соседки.

— За что́ она ее не уважает?

— А какое вам до этого дело? спросил Горнов шутливым тоном.

— Какое дело?.. Матап мне запретила ей кланяться, и я бы желала

знать, что́ нам дает право ее обижать.

— Ничто на свете не дает права обижать женщину, но я бы желал, чтоб вы избегали ее, не обижая однако. Она недаром нажила себе дурную репутацию...

— А может быть, ее оклеветали?.. перебила я.

— Нет, ее не оклеветали, и мне было бы очень неприятно, если б эта госпожа попробовала к вам навязаться. А она на это способна.

— Вы с ней знакомы?

Этот вопрос я сделала нетвердым голосом. Мне было совестно обманывать Горнова.

— Я с ней встретился прошедшею зимой раза три-четыре. Она мне не понравилась.

— Владимир, спросила я, помолчав немного, — что́ по-вашему значит это слово: дурная репутация?

Владимир взял меня за руку.

— А мы, кажется, еще не мяукали сегодня, сказал он, рассмеясь.

— Вы не хотите говорить со мной серьезно, однако я не ребенок.

— О! я в этом не сомневаюсь, отвечал Горнов, придавая серьезно-комическое выражение своему тону.

Я отошла молча, оскорбленная его неуместными шутками. Горнов, судя обо мне, как о ребенке, не понял, что жесткость светских приговоров пробудила во мне новые силы, вызвала на борьбу за женские права, он не понял, что этот разговор мог бы быть первым шагом к сближению между им и мной... К несчастью иные промахи неисправимы.

IV.

Вечером мы отправились все в воксал.

— Здравствуй, сказала мне кузина Варенька. — Мы еще не танцуем. Наши кавалеры заняты: посмотри.

Она указала мне на группу молодых людей, окружавших Власьеву.

— Finissez donc, прибавила Варенька, дернув меня за рукав. — Ты на нее смотришь в оба глаза, а на нее и одним-то взглянуть запрещено.

Я уже успела коснуться пальцем розы, подаренной мне утром Еленой Николаевной и приколотой к моему корсажу. Она улыбнулась и поднесла веер к губам, чтобы послать мне поцелуй, который я одна могла угадать. Сердце мое запрыгало от радости.

— А почему запрещено на нее глядеть? спросила я у Вареньки.⁵

— Тебе скажешь, а ты проболтаешься... Grand merci, отвечала она, кивнув головой.

Варенька намекала на происшествие, которое имело для нее довольно неприятные последствия. Раз она мне рассказала анекдот, в котором дело шло о любви, а я его повторила в присутствии татап. Боже мой! что у нас поднялось! Матап объявила Варенькиной матери, что ее дочь портит мою нравственность; тетка прилетела ко мне, чтобы разузнать, в точности ли я повторила Варенькин рассказ. Словом, объяснения длились целый месяц, и татап чуть было не поссорилась навек с своею сестрой. С тех пор, разумеется, кузины меня избегали, как чумы.

Было еще пусто в зале. Музыканты настраивали инструменты. Матап и моя тетка чинно сидели на скамейке, а мы с Варенькой ходили взад и вперед, по зале. Из группы, составленной Еленой Николаевной и молодыми людьми, раздавались голоса. Елена что-то рассказывала, около нее смеялись. Ее наряд состоял из белого платья и бурнуса пунцового цвета. Все женщины, кроме ее, были в шляпках; вероятно, она хотела пококетничать своими черными волосами, заплетенными в косы и украшенными золотой стрелкой. Нельзя было не заметить грациозность каждого ее движения: она вставала и садилась грациозно, грациозно ела мороженое. Молодые люди обращались с ней свободно. Один держал ее веер, другой носовой платок. Я заметила, что Горнов поклонился ей издали и холодно. Он устроился с Мишей у открытого окна и говорил, не обращая внимания на Елену Николаевну. Но она бросала украдкой взгляд то на окно, то на меня.

Вдруг Варенька вспыхнула и наклонилась, озираясь во все стороны, как будто что-нибудь потеряла. Я спросила, что́ она ищет?

— Ничего, отвечала она, с видимым смущением, и запустила пальцы за пояс. Но и за поясом не нашлось пропажи.

— Господа, сказал вдруг, возвышая голос, один из молодых людей, окружавших Елену; я нашел *billet doux*. Кто его потерял?

Варенька побледнела и остановилась на всем ходу. Все головы обратились к Лаврову, который держал в поднятой руке маленький листок бумаги. Мужчины не тронулись с места. Лавров, с необычайною наглостью, громко прочел:

— Ради Бога, постарайся приехать завтра в театр...

Елена Николаевна вскочила со стула и выхватила записку у Лаврова.

— Записка ардесована мне, сказала она. — А вашему поступку... нет имени.

Я не могу забыть эффекта, произведенного этою сценой. Лавров растерялся, изменился в лице; мужчины переглядывались молча, пожилые дамы встали, а Владимир и брат, заметив общее смущение, подошли к нам, спрашивая: что́ случилось? Но я не успела ничего объяснить: Варенька проговорила умирающим голосом: мне дурно.

— Что́ это? Что́ с ней? сказала ее мать, оторопев.

Я отвечала, что, вероятно, корсет ее слишком теснит. Ее увели в другую комнату, но когда она пришла в себя, тетка моя собралась домой, советуя татап последовать ее примеру для избежания нового скандала со стороны Елены Николаевны.

Между тем в зале поднялась суматоха. Узнав о поступке Лаврова, Горнов воскликнул:

— Как! его не выгнали из воксала!

Тут только и наши молодые люди догадались, что его следовало выгнать, и каждый принялся обсуживать его по-своему. Он уже успел скрыться. Молодежь отправилась к нему на дачу, под

предводительством моего жениха, который, не застав его дома, написал ему, от имени всего общества, чтобы вперед он в воксал не показывался.

Миша вернулся поздно домой, а с Владимиром я увидалась только на другой день.

— Настя, сказал он, отводя меня в сторону, и вынимая из своего портфеля сложенный клочок бумаги, возвратите это вашей кузине Вареньке, но тайком. Она потеряла вчера записку в воксале.

— А как эта записка попала в ваши руки?

— Мне ее передала Елена Николаевна Власьева, ваша соседка. Она заметила, что Варенька что-то искала в ту минуту, как Лавров поднял записку...

— И выручила Вареньку?.. перебила я. — Видите, Владимир, а еще говорят, что с такою женщиной стыдно кланяться!

— Нечего сказать, она поступила по-рыцарски, заметил Горнов.

— Почему же она вам не нравится?

— В ней есть что-то такое, что мне не нравится... главное — отсутствие правды, простоты...

Тем и кончился разговор. Я не смела, из боязни выдать нашу тайну, заступаться за Елену. Ее поступок меня привел в восторг, но я не могла понять, почему она отдала записку Горнову, тогда как было бы гораздо проще передать ее мне. Предпочтение, данное ему в этом случае, меня обидело.⁶ Я его приревновала к Елене. Рано на другой день я уже бродила около ее сада. Она не замедлила выйти на балкон, оглянулась, и убедившись, что мы одни, поманила меня рукой.

Я бросилась к ней на шею.

— Горнов мне отдал записку. *Vous êtes un ange!*⁷ вскричала я.

Елена самодовольно улыбнулась.

— Но отчего вы отдали записку Владимиру, а не мне?

Она несколько смутилась и вдруг ударила себя в лоб.

— Ах! я сумасшедшая!⁸ Не догадалась. Чего бы в самом деле лучше, как отдать ее прямо вам. Что́ делать? Затмение. Это тем досаднее, что я ведь вообще находчива, и уж в особенности, когда дело идет о других. Милочка, вы у меня посидите?

— Да, да, мамап встает поздно, а с вами так хорошо.

— А мне с вами разве не хорошо? Скажите, Горнов не осуждает меня за мой вчерашний поступок?

— Осуждает? Но разве это возможно? Он говорит, что вы поступили по-рыцарски.

Елена улыбнулась.

— Я это спрашиваю, зная, что он меня не любит, и отыскивает дурное намерение во всем, что́ я делаю! Скажите, а вас он очень любит?

— Да, любит. Он очень добр и балует меня.

— Но это отношения няньки к ребенку! воскликнула Елена. — Душенька моя, продолжала она, после минутного молчания, сжимая мои руки в своих, — почему вы говорите с приторным⁹ равнодушием о вашем женихе? Будьте со мной откровенны: я не употреблю во зло вашего доверия. Я честная женщина. Скажите, вы охотно согласились выйти за него¹⁰ замуж?

Во мне заговорило неодолимое желание довериться ей, но я еще сама себе не созналась в полном моем равнодушии к Горнову. Елена повторила свой вопрос.

— Да, я согласилась без принуждения выйти замуж. Мамап немного зыскательна, а Владимир не обращает внимания на мелочи.

— Понимаю, дома вам жутко, вам хочется вон из дому, за вас сватается незнакомый человек, и вы выбираете из худшего лучшее... Но лучше ли вам будет? это надвое сказано (она покачала головой). Ведь я имела случай вызнать Горнова.

— Разве вы знаете о нем что-нибудь дурное?

— Мне кажется, что он деспот в душе, вы только со временем в этом убедитесь и еще, может быть, пожалеете о родительском доме. От матери уйдешь, а от иного мужа не избавишься...

Она мне сделала несколько вопросов о моих отношениях к Горнову и к татап, ловко указывала на чувства, которые я до тех пор не смела или не умела проверить. Говоря с ней я сознала вполне мою ненависть к домашнему игу и мое равнодушие к жениху. В первый раз мне приходилось высказываться кому-нибудь, даже самой себе. Окончив свою исповедь, я бросилась со слезами на шею Елены.

— *Pauvre chère petite!* сказала она, проводя рукой по моим волосам. — Знаете что? Я бы, пожалуй, попробовала переговорить с Горновым?..

— О! нет! возразила я, сохрани Бог! Узнают, что я была у вас, беда будет.

— Положитесь на меня, я вас не выдам. Но мне бы хотелось убедиться: искренно ли он к вам привязан, или женится, как многие, чтоб обзавестись хозяйкой, когда уже перебесился. Вы меня уполномочиваете переговорить с ним?

Как я ни была глупа и неопытна, я понимала что попытка Елены ни в каком случае не изменит ни чувств, ни отношений моих к Владимиру, но в ее предложении я видела горячее желание придти ко мне на помощь и согласилась на ее посредничество между Горновым и мной, с убеждением, что, узнав ее короче, он оценит ее и полюбит. Я повторила ей, что малейшая неосторожность может нас разлучить; но убедилась, наконец, что она боялась огласки еще более, нежели я. Хорошенькая шестилетняя девочка вбежала из сада на балкон и устремила на меня большие голубые глаза; Елена в одно мгновение схватила ее за руку, увела в комнату и заперла за нею двери.

— Меричка может вас узнать и подойти к вам, сказала она. — Дети предатели... это моя дочь. Она у меня сиротинка — отец никогда об ней не заботится... Вам пора домой, милочка... Прощайте. Настя, прибавила она неожиданно, — ты меня очень любишь?

Мы расстались на *ты*. Шестнадцатилетний мальчик так обрадуется, как я, когда его возлюбленная позволит ему заменить холодное *вы* душевным *ты*.

V.

Елена совершенно мной овладела. Когда нам не было возможности видеться, она требовала письменного отчета во всем том, что я успела сказать и перечувствовать. После каждого посещения одна забота наполняла постоянно мое сердце: как бы уловить удобную минуту для нового свидания с ней. Главный предмет наших разговоров был Горнов. То Елена отыскивала в нем смешные стороны, то восставала против его деспотизма, а обо мне не говорила иначе, как о жертве. Честное чувство, которого она не успела во мне заглушить, заставляло меня избегать, насколько было возможно, эти разговоры, но она направляла беседы как хотела, и они принесли свои плоды. Мысль, что я играю предательскую роль, удаляла меня от моего жениха. Мне было совестно принимать от него малейшую безделицу; его ласки ограничивались целованием руки, но и от этого поцелуя я бегала, как от огня. Следующий случай даст понятие о наших отношениях. Мне сшили голубое платье, которое чрезвычайно понравилось Горнову. Он повторил несколько раз Мише, указывая на меня: «Не правда ли, как она мила сегодня?» и глядел на меня с выражением, которое я не умела определить, но тем не менее, испытывала неприятное ощущение всякий раз, как наши глаза встречались. Вдруг он подошел ко мне и занес руку около моей талии; я вскочила со стула и бросилась в цветник, оставляя Горнова с глазу на глаз с братом. Бедный Горнов долго сидел потупясь и, наконец, сказал Мише, который повторил мне впоследствии эти слова: «*C'est qu'elle est si jolie aujourd'hui la petite.*»

Однако, мне было совестно перед ним. Я была уверена, что он рассердился, и медлила возвратиться домой; он сам сошел в цветник. Я боялась упрека, и сердце мое забилося от страха. Но я ошиблась. Горнов у меня только спросил: «Настя, вы на меня сердиты?»

«Какой он, однако, добрый», подумала я, невольно тронутая, и не отвечала. С тех пор он меня просил несколько раз надеть мое голубое платье, но уже любовался на меня издали.

Горнов жил в Москве и являлся ежедневно утром в парке. Раз он пришел пешком. Миша встретил его рука об руку с Еленой и стал подтрунивать над их прогулкой. Горнов, рассчитывая на мое плохое знание немецкого языка, говорил об Елене не стесняясь.

— Она на меня навязалась, но я остановил ее с первых слов: она, видишь, чутьем поняла, что мы с Настей не созданы друг для друга. Это меня взбесило, я отвечал довольно резко.

Если бы меня не удержала боязнь навлечь новую неприятность на Елену, я бы, кажется, разразилась на Горнова. Меня привела в ужас мысль, что он ее обидел, и я решила во что бы то ни стало повидаться с нею в тот же день. Случай мне помог. После обеда мы собирались в Москву на именины тетки, но я так искусно прикинулась больною, что татап оставила меня дома и уехала с Горновым. Только что они сели в карету, я побежала к Елене.

— Как это ты ко мне попала в такой час? спросила она холодно.

— Что́ это значит? Ты будто не рада меня видеть?

— Мне не здоровится. Я не в духе.

— Я узнала, что Владимир был не любезен с тобой...

— Он уже успел этим похвалиться, перебила Елена, покраснев.

Я поняла свою неловкость, смутилась и что-то пробормотала. Елена усмехнулась. Красные пятна выступили на ее щеках; она беспрестанно бросала кончик докуренной пахитоски и зажигала другую.

— Он способен поклоняться одним мещанским добродетелям, сказала она с невыразимым презрением. — В известных понятиях он недалеко ушел от твоей матери.

Сравнение оскорбило меня за Горнова, я хотела возразить, Елена меня перебила:

— А только послушай, какие широкие теории о свободе чувства, о женских правах! Я сама виновата: зная его, я не должна была брать на себя смешной роли посредницы между вами. Я поступила с самоотвержением школьницы; поделом он мне прочел нравоучение.

— Но я-то разве виновата, что он тебе прочел нравоучение.

— И не таких я видала у своих ног, продолжала Елена, не удостоивая меня ответом, ни даже взглядом. — Бог даст, утешусь в немилости Владимира Павловича... Дон-Жуан дерптских модисток! И то сказать, в их обществе мудрено научиться обращению с порядочными женщинами, а еще прикидывается пуританином! Признаюсь, я никогда не встречала такого двуличного господина, но на свою удочку он поймает разве только институтку.

— Я с ним объяснюсь во что́ бы то ни стало, сказала я.

— Ты ему моего имени не вымолвишь, почти повелительно возразила Елена, — но если ты хочешь меня успокоить, то, ради Бога, прекрати всякие сношения со мной. Я более не хочу пользоваться твоим великодушием и дружбой. (Елена произнесла эти слова с иронией.) Твой будущий муж тебе их не простит. Ведь порядочные люди обязаны меня презирать!

— Ты безжалостна ко мне, проговорила я, едва удерживая слезы.

— Нет, безжалостною не я тебя научу быть, но прошу тебя, уйди и забудь о моем существовании.

— За кого ты меня принимаешь?.. Ты думаешь, что я соглашусь тебя оставить?

— Не ребячься и уйди. Я тебя умоляю уйти, и не мешкая; я жду гостей...

Она взяла меня за руку и заставила спуститься с балкона.

— Не плачь, сказала она холодно, — ты скоро меня забудешь. Счастье развивает эгоизм. Но когда-нибудь скажи Владимиру Павлычу, что он тебя лишил искреннего друга.

Я была несказанно огорчена и негодовала на Горнова, который, сам того не подозревая, был причиной моего первого душевного горя. Мне хотелось оправдаться перед Еленой, как будто я была виновата, но я не знала, как приступить к делу, в чем оправдаться. Я не спускала глаз с балкона, ожидая, что вот-вот она покажется опять, протянет мне руку, скажет ласковое слово... но я ждала напрасно. Несколько раз я

покушалась броситься к ней, однако не решилась, так я боялась ей не понравиться, так меня пугал заранее ее холодный прием. Целые два часа провела я одна, измученная неожиданным исходом нашего свидания, а этот вечер я надеялась провести так хорошо!

Как скоро все улеглись в доме, я принялась писать к Елене, обливаясь слезами и умоляя ее сказать: почему она сложила на меня ответственность за вину Горнова. Утром я нашла средство послать письмо с девочкой, у которой я покупала каждый день цветы и получила через нее же ответ. Он состоял из двух строк:

«Милая моя, безценная моя Настя, я кругом виновата перед тобой. Найди средство, во что бы то ни стало, придти ко мне.»

VI.

Я ожидала с трепетом минуты свиданья. Матан поехала вечером в театр, а я нашла предлог, чтоб остаться дома и побежала к Елене.

Она бросилась ко мне на шею и повела в свой кабинет. В нем не было окон. На столе, против турецкого дивана, горела лампа; мягкий ковер и простеганные атласные обои так заглушали звуки, что до этого уединенного уголка не доходил ни уличный, ни даже домашний шум. Букет в хрустальной вазе и корзинка с фруктами стояли на столе.

— Ты мне простила? спросила Елена своим неотразимо ласковым тоном.

— Не извиняйся передо мной, Елена, отвечала я. — Я никого не любила как тебя, и наша дружба мне так дорога, что я не променяю ее ни на что на свете.

— Даже на Горнова?

— Что́ тут общего? Его я должна любить, как мужа, по обязанности.

— Это слово ты повторяешь как затверженный урок, возразила Елена, — но скажи, по совести, ты допускаешь возможность любить по обязанности?

Я молчала, понимая бессознательно, что такая любовь невозможна.

— Послушай, продолжала Елена, — вероятно, твоя мать тебе приказала меня ненавидеть: почему ты ей не повиновалась?

— Потому что я тебя полюбила.

— Это ясно. Стало быть, любить или ненавидеть не зависит от нас?

— Разумеется.

— Чувство долга налагает на тебя обязанность любить мужа. Если твое сердце не повиновалось материнской воле, ручаешься ли ты, что оно будет повиноваться обязанностям?

Никогда еще я не ставила себе так прямо этих вопросов. Они меня озадачили тем более что, Елена предлагала их мне, очевидно, не без задней мысли. Во мне шевельнулся смутный страх: я боялась, не зная еще сама, чего боюсь.

— Как ты думаешь, спросила Елена, — завидная ли будущность ожидает человека, которого жена собирается любить по обязанности?

— Право не знаю, отвечала я, — Горнов, по-видимому, доволен моею привязанностию и не требует другой.

— А если он лишится со временем и этой слабой привязанности? Что ты сделаешь, если полюбишь другого? Вот ты полюбила меня и нашла возможность придти ко мне, несмотря на строгость твоей матери, ну, представь себе, что твоя дружба ко мне не что иное, как миллионная доля, гомеопатическая частица той привязанности, которую внушает любимый человек. Ясно ли, что никакие обязанности не помешают тебе идти куда он тебя поведет?

Это было действительно слишком ясно, страшно ясно. Я глядела робко на Елену. Она продолжала.

— Да, придет и твоя пора, ты полюбишь, и тогда поймешь, что твоя привязанность к Горнову не что иное, как жалкая пародия на любовь. Вы оба играете в кукольную комедию! Ты знаешь ли, что такое страсть? Она тобой овладеет невзначай, и ты от нее не освободишься. Выбор не зависит от нас. Ты завтра отдашь десять лет жизни за ласки человека, которого ненавидела вчера. Среди самой страсти рождается ¹² иногда

ненависть, но и эту ненавистью ты будешь дорожить, как жизнью...

У ней разгорались щеки, голос возвышался. Передо мной стояла, наконец, Елена, та Елена, от которой меня удаляли, как от огня, и никогда еще я не испытывала так сильно ее влияния надо мной. По мере того, как она говорила, я угадывала смутно многие тайны, скрытые от меня до тех пор, угадывала целый мир неизвестных еще мне ощущений и заглядывала в него со страхом, между тем, как он манил меня неотразимой прелестью. Сердце мое билось; какой-то перелом совершался в моей жизни.

— Да, ребенок ты в самом деле, или женщина? спросила она вдруг с сердцем. — Неужели ты не поняла до сих пор, что я люблю Горнова?..

— Ты! воскликнула я, всплеснув руками.

Она опустила голову на руки, а я была так поражена, что не смела к ней подойти. Я еще не понимала, чего она от меня ожидает.

— Елена, спросила я наконец, — разве можно любить человека, когда его не уважаешь?

— Ты видишь: можно. Я тебе говорю, что выбор не от нас зависит.

Настало опять молчание, я едва переводила дух.

— Елена, заговорила я опять, — ты его знала до меня, и тогда...

— И если б не ты стала между нами, перебила Елена, — я бы добилась его любви! во что бы то ни стало добилась!

— Стало быть, если б я удалилась, если бы меня не было между вами, ты была бы счастлива?

— Ты это сделаешь? спросила Елена, пристально взглянув на меня.

— Я готова принести тебе и не такую жертву.

Елена обезумела от радости, она целовала мои руки, закидывала меня восторженными названиями. Я блаженствовала, я выросла в собственных глазах от мысли, что ее счастье зависит от меня.

— Ты давно его любишь? спросила я.

— Я его полюбила с первой встречи. Чувство, которое мне не удалось уgomонить в себе, так усилилось после вчерашнего свидания, что я должна умереть или добиться своей цели. Другого исхода нет... Настя, а если ты раскаешься и возьмешь ¹³ назад свое слово?..

— Я? я возьму назад свое слово?.. отвечала я, вспыхнув.

— Не сердись, прости меня. В тебе я не сомневаюсь, но мать твоя готова тебя преследовать, измучить...

— На это я пойду... но с Горновым я связана словом...

— Разве ты знала, на что́ ты идешь? возразила Елена. — Разве ты не имеешь права одуматься? Скажи ему прямо, что ты его не любишь; он сам от тебя откажется. Это прямая обязанность всякого порядочного человека. Не бойся, он с отчаяния не застрелится.

— Этого я не боюсь; ты права: не так любят.

— Я твоя на жизнь и на смерть, сказала Елена, провожая меня.

VII.

Я не спала всю ночь и думала о моем разговоре с Еленой и о важной роли, которую я играла в ее жизни. У меня голова шла кругом от ее восторженных похвал и излиятий дружбы. Они меня ставили в собственных глазах на высоту, с которой я не хотела спуститься, и мне было досадно, что я не испытывала к Горнову более нежного чувства: если б я его действительно любила, то совершила бы настоящий подвиг самоотвержения, уступив его Елене. Что касается до самого Горнова, я мало о нем заботилась: Елена мне слишком ясно доказала, что его привязанность ко мне не что́ иное, как жалкая пародия на любовь, и что мы оба играем кукольную комедию. Но я должна признаться к моему стыду, что если бы даже я верила в его любовь, то была до такой степени увлечена блестящею ролью, возложенною на меня Еленой, что вряд ли сердце мое сжалось бы при мысли об ударе, который я готовилась ему нанести. Скажу больше: я трусила заранее перед гневом татап, но Горнова я не боялась и ждала нетерпеливо моего объяснения с ним, обдумывая хладнокровно и безжалостно каждое

слово, которое ему скажу.

Пока я строила план за планом, сон начал овладевать мною, и мысли мои стали путаться. В моих ушах прозвучали слова Елены: «придет и твоя пора, и ты полюбишь». Незнакомая тень мелькнула передо мной, незнакомый голос произнес полупшепотом мое имя, и кто-то обнял меня трепетными руками. Я слышала биение моего сердца, и дрожь пробежала по мне... Пронзительный бой стенных часов пробудил меня внезапно: я соскочила с постели и посмотрела с испугом около себя. Солнце уже встало. Я села на кровать и старалась привести мысли в порядок. Потом я оделась и сошла в сад. Свежий воздух освежил меня, и когда я вошла в обычный час в гостиную, где матан сидела уже за самоваром, я казалась совершенно спокойною. Как теперь гляжу я на матан. На ней был белый пеньюар, она еще не успела надеть чепца, и каштановые ее волосы лежали гладко, точно склеенные на лбу. Красота ее рано пропала; я не могу отыскать и тени ее в самых отдаленных моих воспоминаниях. Я зазнала все то же кругловатое, пожелтевшее лицо с румянцем во всю щеку, глаза прозрачно голубого цвета и красноватый нос. Матан ходила и говорила медленно, тихо; зато когда ее голос возвышался, мне становилось жутко, я дрожала.

«Господи! как я ей объявлю о своем решении?» мелькнуло у меня в голове.

Матан была в духе.

— Чтó это ты бледна? спросила она.

— Я мало спала, матан.

— Э! досадно слушать. Как не спать в твои года? Бывало, в котором часу ни ляжешь, так заснешь, что, кажется, пушечный выстрел не разбудит. А вы — дело другое, и все от того, что Бог знает чтó себе в голову забрали. Слышала ли ты, как отличилась твоя кузина Варенька?

— Нет. Чтó такое?

— Отличилась! Вчера я видела сестру в театре с Наташей; та дома осталась. Сестра так и воет: Варвара Александровна замуж собралась. Я, говорит, выйду за Хмелева; я его люблю. Вот тебе и знай! Кто такое

Хмелев? (татап развела руками). Сын какого-то мелкопоместного, да еще мальчишка, недавно вышел из университета! Сестра говорит, билась, билась с ней, да и рукой махнула: делай, мол, как знаешь! А я ей говорю: поделом же тебе, если она поставит на своем. Я бы на нее рукой не махнула.

— Чтó ж бы вы сделали на ее месте, татап?

— Чтó? Выгнала бы Хмелева из дома, а свою дочку просто высекла бы, да так высекла, что она бы своих не узнала, и стала бы она у меня шелковая. Возьми-ка чай.

Матап не возвышала голоса, однако рука моя так дрожала, что я чуть было не уронила чашку, но не от страха я задрожала, — от негодования. В первый раз от роду я испытала несокрушимую бодрость, готова была идти на открытую борьбу и чувствовала, что преследования придадут мне новые силы.

— Ах! ах! ах! сказала татап, вздыхая и подымая глаза к потолку. — А я сейчас оденусь да поеду в Москву купить тебе вуаль к венцу, продолжала она, немного помолчав, — да кстати и к сестре заеду посмотреть, чтó у ней делается.

— Уж вы бы, татап, и розог ей отвезли на всякий случай.

Матап на меня взглянула, недоумевая, серьезно ли я говорю, или на смех. Я выдержала ее взгляд, не робея; она, кажется, смутно догадывалась, что я не шучу, и отвечала:

— За мной дело не станет, лишь бы поручили.

С этим словом она ушла в свою спальню, оделась и уехала, а я между тем поджидала Горнова. Со вчерашнего дня я сама себя не узнавала; я переродилась, начинала жить!

— Настя! сказала громко Елена.

Я вздрогнула; она стояла у ограды цветника и спросила:

— Ты не одумалась?

— Я жду Горнова, чтоб отказать ему, отвечала я.

Вдали, на дороге, раздался стук колес.

— Вот он, уйди.

— Я жду от тебя жизни или смерти, крикнула Елена, удаляясь.

Я была в лихорадочном раздражении и встретила Горнова на крыльце; это случилось со мной в первый раз.

— Чтó это? Вы меня ждали? спросил он, обрадованный и улыбаясь мне своею доброю улыбкой. — Вот вам игрушка.

Он вынул из кармана сафьянный футляр.

— Вы любовались перстнем кухни Вареньки; я заказал точно такой же для вас.

С этими словами Горнов поцеловал мою руку и надел мне перстень на палец. Я смутилась, не зная, как принять его подарок, и почувствовала, что вся моя бодрость пропала в одну минуту.

— Ну, чтó? Нравится он вам? спросил Владимир.

— Да... да, очень, отвечала я, и чтобы скрыть свое смущение, подала ему заграничное письмо, которое мы получили для передачи ему. Он окинул меня грустным взглядом: видно было, что он рассчитывал на эффект своего подарка. — Настя... начал он, смущенным голосом, но вдруг остановился, задумался, потом распечатал медленно письмо, облокотился на стол и принялся читать. Я глядела на него с чувством, похожим на страх и на угрызение совести. Он откинул волосы назад и опирался на свою красноватую, сжатую в кулак руку. Мне пришло в голову, что эта рука не раздавила бы мухи, и могла легко убить человека одним ударом. Его широкие плечи, тонкие, но резко очерченные брови, раздувающиеся ноздри, все носило отпечаток нравственной и физической силы, и эту силу я начинала сознавать инстинктивно, в ту минуту, как готовилась бороться против нее. Он казался, однако, так спокоен.

Меня и смущало его спокойствие. Мне было бы жаль разбудить сладко спящего человека, чтоб объявить ему неприятную новость. Я медлила, и не знала, как приступить к объяснению, к которому готовилась так

бодро несколько часов тому назад. Наконец мысль, что Елена ждет от меня жизни или смерти развязала мне язык.

— Владимир, начала я, когда он положил письмо в карман, — вы право меня балуете как ребенка... а я... далеко не ребенок.

— Дети всегда просят в большие, отвечал Горнов, покачивая головой.

— Но большие бывают иногда не прозорливее детей, возразила я, покраснев от досады.

— Чтó?.. Как вы это сказали? спросил Горнов.

— Я говорю, что вы поступаете со мной, как татан. Когда я была ребенком, она запрещала мне думать и была убеждена, что до сих пор я не способна связать двух мыслей; но если я ребенок, как же вы решились взять с меня слово быть вашей женой? Разве ребенок знает, чтó такое любовь, замужество, женские обязанности?

Горнов смотрел на меня во все глаза, не доверяя своим ушам. Мой голос слегка дрожал, однако первый шаг к объяснению был уже сделан, я чувствовала, что моя бодрость возвращается, вспоминала мало-помалу вытверженную роль и говорила довольно бойко.

— Кто вам объяснил, чтó такое любовь и женские обязанности? спросил Горнов.

Вопрос меня рассердил, но я не растерялась.

— В восемнадцать лет эти вещи объясняются сами собой, отвечала я. — Их не подскажет мадам Петипьер.

— Я вас не узнаю сегодня, сказал он.

— А разве вы меня знаете? Вы ко мне так равнодушны, что и не позаботились о том, чтобы меня узнать. Вы, кажется, не допускаете, что я способна на какое-нибудь мнение или чувство.

— Я право не понимаю, я не могу опомниться, начал нетвердым голосом Горнов, — я к вам равнодушен?.. Я, Настя? Неужели же я в самом деле не сумел вас убедить в моей любви?

— Истинная любовь сказывается сама собой.

— А моя не сказалась? Но если вы не ребенок, как же вы не поняли, что я вас люблю?

— Как ребенка, то есть как куклу, игрушку? Если вы думаете, что любите меня иначе, вы сами себя обманываете. Так ли любят? То ли называют страстью?

Горнов не мог придти в себя. Он взглянул на меня молча. Я была еще так неопытна, что на каждом слове удалялась от своей цели, и упрекая Горнова в холодности, не понимала, что вызываю его на объяснение в любви.

— Так я вас не люблю? спросил он наконец, меняясь в лице.

Он стал против меня, опираясь обеими руками в мое кресло. Я невольно откинулась назад, а он опустил на колени и обхватил мою талию.

— Я тебя люблю всеми силами души, сказал он, — милая моя, девочка моя; сколько раз мне хотелось удушить тебя поцелуями, но ты холодна ко мне, ну, мне и страшно к тебе подойти. Вот и теперь, ты не можешь опомниться, ты дрожишь! Разве ты не видишь, что я же перед тобой трушу?.. Да скажи мне хоть одно слово... Не говори мне, что ты меня любишь, — до такого счастья я, может быть, не доживу, — скажи мне, по крайней мере, что ты мне позволяешь любить, что мои ласки не внушают тебе ужаса или отвращения.

Боже мой! до какой степени смутили меня эти слова! Я забыла и об Елене, и о цели моего объяснения... Мысли мои путались, между тем как его слова звучали в моих ушах.

— Владимир... прошептала я, но голос замер в моей груди.

— Ведь это пытка, продолжал он. — Ты не понимаешь, какая пытка любить, как я люблю и не сметь высказаться. Позволь мне остаться у твоих ног, хоть на несколько минут... на одну минуту, умолял он, целую мои колени. — Я так счастлив теперь, а ты так хороша, сама того не подозревая и не понимая, почему я счастлив...

И он сжимал меня все теснее и теснее в своих объятиях; он впился в

меня своими железными руками и как будто опьянел.¹⁴ Его поцелуи оставляли горячий след на моей шее и на губах.

— А тебе вздумалось упрекать меня в холодности, продолжал он. — Милочка моя! Стало быть, ты ребенок, если ты не поняла, как ты мне дорога. Ты говоришь, что я на тебя смотрю, как на ребенка, — что за дело, если я пойду за тебя в огонь и в воду! Я тебя люблю, люблю, повторял он. — С первой минуты, как я тебя видел, я забыл, что есть другие женщины на свете. Если б они все меня полюбили, я и тут не взглянул бы ни на одну.

Эти слова вырвали меня мгновенно из заколдованного круга, в который он меня вовлек. Я вспомнила все, вспомнила об Елене, закрыла лицо руками и заплакала. Горнов откинулся назад и встал.

— Боже мой! воскликнул он с отчаянием: — что я сделал! Настя, вы меня возненавидите!

Не ненавистью, однако, наполнялось мое сердце. Его наполняло какое-то новое чувство, и страшное, и сладкое. В первый раз я признавала свои права над мужским сердцем, но вместе с тем я начинала понимать, что чувствами Горнова шутить было невозможно. Он на меня смотрел с испуганным выражением лица, не решаясь ко мне подойти. Меня так тронула его робость, что я было хотела протянуть ему руку, но не посмела. Образ Елены стоял живым упреком между нами. Мне показалось, что каждое движение, которое обнаружило бы не только привязанность, но простое участие к Горнову, ляжет тяжелым гнетом на мою совесть.

— Владимир, сказала я, собравшись с силами, но дрожащим голосом,
— мне надо с вами переговорить.

— О чем это?

Горнов сделал этот вопрос тоном человека ожидающего неприятность. Я хотела продолжать и не имела духа.

— Ну, что такое? Я слушаю.

— Вот видите... Это очень серьезно...

— Да говорите же скорей.

Он стоял передо мной и ждал моего первого слова, а я не решалась говорить, не смела даже поднять на него глаз. Молчание продолжалось несколько минут; его взгляд тяготел на мне, как камень, я его не вынесла и бросилась на балкон. Против самой комнатки, у входа в цветник, стояла Елена, ожидая решения своей участи. Сердце мое словно оборвалось. Я невольно от нее отвернулась.

— Что́ такое? что́ с вами? допрашивал Горнов встревоженным голосом.

— Я не могу переговорить с вами... отвечала я едва внятно. — Я к вам напишу. А теперь, оставьте меня, уезжайте.

— Я не уеду; я хочу знать, в чем дело.

Он произнес эти слова резко, почти повелительно, но заметив, что я задрожала, взялся за шляпу и прибавил уже совсем другим тоном:

— Не мучьте меня по крайней мере, напишите скорей. Я буду ждать вашу записку в кофейной, пришлите ее с Мишей.

Сердце мое болезненно сжалось при мысли, что я готовила ему жестокий удар. Да! Мне стало его до смерти жаль. Я чуть было его не остановила, когда он подошел к дверям; но он сам остановился и взглянул на меня, надеясь, вероятно, что я ему позволю остаться. Он мне показался так детски добр, так хорош, что я к нему бросилась.

— Владимир, сказала я, вы простите меня?..

Я схватила его руку, поцеловала ее, и как сумасшедшая выбежала вон из комнаты.

VIII.

Столько чувств переполняли мое сердце, что оно готово было разбиться. Среди хаоса мыслей, бродящих в моей голове, я сознавала однако ясно необходимость привести в немедленное исполнение обещание, данное мной Елене. Я понимала, что чем более буду я медлить, тем труднее мне будет сладить с борьбой, которая только что начиналась в моих чувствах, что если Горнов заступится за свои права

надо мной, я едва ли буду иметь настолько сил, чтобы сдержать свое слово, обману Елену и пропаду в своих собственных глазах, и я решилась, во что бы то ни стало, избежать свидания с Горновым. Вот что я к нему написала:

«Я не стою вашей любви. Не разделяя ее, не умея вас оценить, я согласилась, по просьбе татап, быть вашей женой. Я не понимала, что рано или поздно вас оскорбит моя холодность. Откажитесь от меня и ради Бога не грустите о мне. Мы бы не сошлись, и вам бы скоро пришлось раскаяться в вашем выборе. Это убеждение придает мне силы писать к вам, но я не решалась с вами переговорить, я боялась огорчить вас. Вы бесконечно добры, если прощаете мне. Поймите, что мне будет совестно на вас взглянуть, и не пытайтесь, ради Бога, меня видеть.»

Миша отвез эту записку в кофейную, где Горнов его ждал, а я забежала к Елене, которая меня караулила на балконе.

— Горнов твой, сказала я. — Я ему отказала, я сдержала свое слово.

Елена схватила меня в свои объятия, но ее радость и благодарность не возбудили во мне того чувства, которым я еще бредила накануне. Я поспешила возвратиться домой и стала ждать с мучительным нетерпением возвращения Миши.

— Что Горнов? спросила я, бросаясь к нему навстречу.

— Хорош, после твоей записки! Я не хотел его отпустить одного в Москву, но он требовал.

Миша остановился, заметив мою бледность.

— Что ты сделала? продолжал он, очевидно смягчившись. — Почему ты ему отказала? Как у тебя духу достало? Ни с кем не посоветовавшись, вдруг, с бух-та-барахту...

— Он меня возненавидел? спросила я.

— Он поражен, убит; однако, он же мне доказывал, что ты честно поступила, и взял с меня слово, что я не буду упрекать тебя за твой поступок. Но как ты теперь сладишь с татап?

Каждое слово Миши возбуждало во мне угрызение совести, жалость; что касается до татап, я еще о ней не подумала, но Мише хотелось

устранить меня от первой вспышки ее гнева, и он взял на себя неприятную обязанность объявить ей о моем разрыве с Горновым. Мы провели целый день вдвоем с братом. Он был славный малый, прямой, с практическим складом ума, и догадывался, что я неспроста отказала моему жениху. Но на все его вопросы я отвечала уклончиво, повторяя, что я согласилась выйти замуж по просьбе матери. На другой день Миша объявил маман о великом событии. Она велела меня позвать, и несмотря на увещания брата осыпала меня упреками и угрозами. Но чем грубее были упреки и угрозы, тем более я старалась казаться хладнокровною и не отвечала ни одного слова. Мое молчание так рассердило маман, что она схватила меня за руку, но Миша стал между нами, умоляя ее успокоиться. Посланный от Горнова отвлек от меня грозу. Он подал брату два письма: одно было адресовано ко мне, другое к маман. Свое я спрятала в карман, а она поспешно распечатала конверт.

— Хорошо, должно быть, он и меня отделяет за поведение дочки! заметила она и стала читать вслух.

Горнов, зная, что меня ожидает, старался всячески доказать ей, что я была в полном праве отказаться от своего слова, что я его дала, не понимая, на что иду, наконец, что он сам сознает невозможность составить мое счастье и т. д. Маман, не кончив письма, бросила его на стол.

— Колпак как есть! сказала она: — и поделом ему, дураку! Другой бы так прикрикнул, что она бы своих не узнала. Я, мол, тебя осрамлю, всех женихов отобью; всему белому свету докажу, что ты из материнского повиновения вышла. Какие теперь мужчины... тетеря на тетере!

Маман любила светскость, но в семейном кружке не стеснялась в выражениях. Наконец, я успела скрыться и прочла записку, адресованную мне.

«Вы свободны, я вам возвращаю ваше слово. Мне бы давно следовало понять, что я вас люблю, как эгоист, но, видно, любить без эгоизма невозможно. Я был так счастлив, что не отдавал себе отчета в ваших чувствах. Не бойтесь ни моей ненависти, ни настойчивости. Я вас избавлю от нового испытания и пощажу ваше доброе сердце. В свою очередь, я вам скажу: не грустите обо мне. Я слажу

с своим горем, как оно ни тяжело. Больно подумать, что вас будут преследовать моим именем, не понимая, что вы ни в чем не виноваты. Не на радость же мы с вами сошлись. Позвольте мне поцеловать на прощание ваши руки.»

Эта записка и письмо к татап возбудили во мне благодарность и сожаление, доходящие до экзальтации. Я находилась постоянно в лихорадочном состоянии, которое не давало мне возможности сознать вполне ни моего охлаждения к Елене, ни равнодушия к домашним дрязгам. Гнев татап был неукротим, как Ахиллесов гнев. Всем родственникам рассказывала она поочередно историю моей размолвки с Горновым. На эту суматоху поспела и мадам Петипьер.

— А! мадам Петипьер, сказала татап; — мы ее слишком баловали!

Иногда ее голос упал на целый тон.

— Миша, говорила она едва слышно, — я уже успела ухлопать две тысячи на приданое, — может быть, кое-что из купленных вещей не выйдет из моды до твоей свадьбы; авось ты нападешь на порядочную девушку, которая мне заменит дочь.

IX.

Страсть к Елене так овладела Горновым, что он бросил занятия и проводил целые дни у ней. Миша видал их часто и уверял, что Горнов не был счастлив. Действительно, в нем начиналась уже борьба разочарования со страстию. Горнов был самый снисходительный из смертных к чужим недостаткам, но пороки Елены внушали ему невольное нравственное отвращение. Горнов ненавидел ложь и хвастливость, — Елена хвастала и лгала; Горнов любил женскую стыдливость: Елена щеголяла цинизмом; он любил простоту: в ней все было обдуманно.

Я сама замечала, что он был постоянно раздражен. Это напряженное состояние отвлекло его от занятий и от друзей. Правда, что со мной он видался довольно часто, но между нами лежала бездна, и разговор ограничивался отвлеченностями.

Елена ко мне не писала и не искала случая со мной повидаться. С своей стороны я хворала и не выходила из своей комнаты. Уж не переехала ли

она в Москву? не занемогла ли? думала я, не допуская возможности охлаждения с ее стороны. Меня в особенности преследовало день и ночь желание узнать, в каких отношениях она находилась к Горнову. Наконец, не прежнее мое чувство к ней, но это мучительное желание увлекло меня к ней, полубольную.

Я застала ее за работой: она пришивала новые пуговицы к дорожному платью.

— Ah! bonjour, ma petite chatte, сказала она своим ласковым тоном. — Ты меня совсем забыла.

Этот упрек произвел на меня впечатление, невыгодное для Елены. Если которая-нибудь из нас была вправе упрекать другую в забывчивости, то это право принадлежало, конечно, не ей.

— А ты, Елена, не забыла меня?

— Какой вопрос! Послушай, ты еще не успела мне рассказать подробности твоего последнего свидания с Горновым. Он был огорчен? Расскажи, пожалуйста,¹⁵ как это было.

Вопрос мне показался нескромным.

— Я ему отказала письменно, отвечала я.

— А что же он тебе написал?

— Что я свободна.

— Неужели только?

— Только.

Елена задумалась и вдруг сказала:

— Я узнала, что он едет на днях в свое рязанское имение...

Я взглянула на ее дорожное платье, и сердце мое болезненно сжалось.

— Елена, спросила я, — какими средствами добиваются любви мужчины?

— Fichtre, ma petite, дело очень просто, отвечала, улыбаясь, Елена. —

Надо его любить, вот и он полюбит.

— Мне кажется, этого недостаточно.

— Разумеется, недостаточно, если ты ограничишься одним словом: — я люблю. А ты изучи слабые стороны человека и извлеки из них возможную для себя пользу. У одного конек — самолюбие, у другого — рыцарство, вот он и в твоих руках... Кстати, поблагодари твою кузину Вареньку за то, что она потеряла свою записку в воксале... (она засмеялась и продолжала:) Послушай, три года тому назад я любила одного господина...

— Ты мне говорила, что ты никогда не любила.

— Нет, я тебе говорила, что у меня не было любовников, и повторяю, что в этом отношении моя совесть чиста, как у ребенка.

— Так ты любила одного господина?..

— Да... Ну, так его слабая струна была самолюбие. Я его и убедила, что он имеет надо мной полное влияние, и таким образом делала из него все, что хотела. А он был ограничен, груб и своеволен...

— За что же ты его любила?

— Так, любила, да вот и все. Ладить с ним было нелегко. Иногда, бывало, я бы, кажется, разорвала его в клочки, а сама улыбаюсь и гляжу ему в глаза. И дело кончалось всегда тем, что я добивалась своего; и он только что на меня не молился.

Странно! В первый раз Елена неприятно меня озадачивала. Я находила в ней грубость чувств, отсутствие такта, искренности. Немало меня удивило и оскорбило ее равнодушие к моим домашним недочетам. Она даже не спросила, в каких отношениях я была к татап и чем я поплатилась за свое пожертвование. Я поспешила возвратиться домой.

— А я скоро уеду из Москвы; мы вероятно с тобой не увидимся, сказала Елена, прощаясь со мной.

— Куда ты едешь?

— В Рязань, к одной родственнице...

Елена значительно улыбнулась.

— Я буду к тебе часто писать, а письма доставит тебе моя горничная... она остается на даче.

— Ты в самом деле будешь ко мне писать?

— Честное слово.

Она повторила еще, целуя меня, честное слово, и мы расстались.

Долго за полночь сидела я в своей комнате, думая о поездке Елены, между тем как глухая, но нестерпимая боль поднималась в моем сердце. Не скоро решалась я назвать настоящим именем чувство, которое так неожиданно овладело мной... Я наклонилась лицом к подушке и заплакала навзрыд.

X.

Горнов уехал.

Наша размолвка наделала шума, и я стала на время предметом гостиных толков и любопытства. Каждый выводил свое заключение из развязки моего романа, но никто не догадался даже приблизительно об истине. Матери семейства называли меня *эмансипированною* и неохотно позволяли ¹⁶ своим дочерям сближаться со мной. Все бросили в меня камень, за исключением молодого поколения, студентов и других заступников свободы чувства. Многие из них идеализировали меня и рассказывали с полной уверенностью, что я отказалась от выгодной партии, чтобы выйти замуж по склонности. Что касается до меня, я чувствовала, что какой-то переворот совершился в моем характере. Я сделалась серьезнее, полюбила уединение, книги. Мне хотелось дорасти до Горнова; но за книгой, в разговорах с молодежью, дома и в свете, меня преследовала тайная грусть.

И как она ни была мучительна, я бы не хотела с ней расстаться. Я любила мечтать о Горнове и часто сидела до рассвета на постели, вспоминая до малейших подробностей о том времени, когда я была невестой. Чем более разъяснялась для меня личность моего жениха, тем более я убеждалась, что между им и Еленой лежала бездна. Союз

между ними казался мне невозможным. Я ждала с нетерпением письма из Рязани, которое подтвердило бы мои надежды, но Елена, не нуждаясь более во мне, нашла лишним ко мне писать. На мои частые вопросы «нет ли письма?» ее горничная отвечала, что письма есть, но не на мое имя.

В конце лета Горнов написал Мише, который мне прочел строки, относящиеся ко мне: «Что делает твоя сестра? Весела ли она? Счастлива ли? Поцелуй за меня ее маленькую ручку.»

Слезы, брызнувшие из моих глаз, совершенно сбили с толку брата. Я решила верить ему свою тайну, и к немалому моему удивлению, я узнала, что он встречал не раз Елену и успел составить о ней довольно определенное мнение со слов одного приятеля, «который с ней был в коротких отношениях», прибавил Миша, улыбаясь. Она воспитывалась в честном семействе и вышла замуж по склонности, но не прошло двух лет, как уже ловко обманывала мужа, который ее оставил. Об ее поездке в Рязань Миша не имел понятия.

— Она, пожалуй, поставит на своем, завладеет Горновым, заметил он.

— А я думаю, что Горнов не помирится с такою женщиной.

— Она сумеет помирить его с собой. Бог даст, еще увидит в ней неисчерпаемую бездну чести. Недаром она вырвала у Лаврова Варенькину записку. То-то он и пишет, что встретил совершенно незаслуженное им чувство дружбы и симпатии, которое помогает ему переносить его горе.

Эти слова пробудили во мне горькое чувство ревности. Я дала бы, кажется, полжизни, чтобы проследить мысли Горнова, угадать тайну отношений его к Елене, узнать каждое слово, которым они обменялись, как будто бы это новое испытание должно было облегчить мою душу. Я покушалась несколько раз написать к Горнову, но меня удерживала мысль: «Не поздно ли?»

Наконец миновали летние месяцы. Мы переехали в Москву, и наша светская жизнь установилась прежним порядком, но я часто отказывалась от выездов под предлогом нездоровья. К счастью, я

сошлась с Варенькой. Хмелев, женившись на ней, получил наследство и с тех пор помирился с своею тещей и со всем семейством. Варенька со мной часто видалась и скоро поняла тайну моего добровольного отречения от света.

Раз я к ней отпросилась на целый день. Она выбежала ко мне навстречу и объявила, что Горнов вернулся в Москву, после полугодового отсутствия, и проведет вечер у ней.

Съехались гости. При каждом звуке колокольчика сердце мое мучительно замирало и руки холодели.

Так вот она, любовь, та любовь, которую пророчила мне Елена! Чем бы я не пожертвовала за один день, проведенный с ним! Я обрадовалась, как безумная, когда он вошел в комнату, и готова была броситься ему на шею. Горнов был, по-видимому, рад меня встретить, но что-то изменилось в пожатии его руки, и не так бы он на меня взглянул шесть месяцев тому назад.

Разговор сделался общим и продлился бы до бесконечности, если бы Варенька, под предлогом жары, не увела своих гостей в более просторную комнату. Оставшись вдвоем с Горновым, я так растерялась, что не могла проговорить слова.

— Вы похудели, изменились, заметил он с участием.

— Мне кажется, что я переродилась с тех пор, как мы не видались.

— Скажите, улучшилась ли теперь ваша семейная жизнь? спросил Горнов. — Миша мне писал, что она была незавидна в последнее время.

— Матан мне не простила до сих пор...

Я остановилась на минуту и прибавила, не взглянув на него:

— А вы, Владимир, вы мне простили?..

— От всей души, отвечал он, протянув мне руку.

Меня обдало холодом это убийственное великодушие; однако я была так ослеплена собственным чувством, что попыталась пробудить и в

душе Владимира отголосок прошедшего.

— Не вы ли сами были виноваты отчасти в моей холодности? сказала я.
— Зачем смотрели вы на меня, как на Мадонну? Я была женщина, как и все. К несчастью, я оценила слишком поздно ваше чувство.

Горнов несколько смутился, а я смутилась еще более его.

— В вашем замечании, Настасья Михайловна, отвечал он, — есть, конечно, доля правды...

— Зовите меня Настей. Я хочу оставить за вами это право.

— А что бы сказала ваша мать о таком уклонении от приличий?

Он улыбнулся.

— Вы, может быть, не знаете, возразила я, — что я всегда готова пожертвовать приличиями чувству... Вы видались с Еленой?

Горнов крепко пожал мою руку.

— Я с ней видался, отвечал он, — и знаю, что в простоте вашего сердца, вы поняли то, чего не поняли другие, я первый. Невзирая на клевету, на несправедливость светских приговоров, вы ей подали руку. Она этого не забудет.

Я ненавидела Елену и не пощадила ее.

— Она вам все рассказала? спросила я у Горнова.

Но он не понял значения моего вопроса.

— Все... всю грустную историю своей жизни. Она не первая и не последняя ¹⁷ жертва грубого злословия и супружеского деспотизма. А я когда-то знал ее мужа, и он смотрел порядочным человеком.

Горнов пожал плечами и продолжал после короткого молчания.

— Я не могу до сих пор простить себе своей глупости. Как я не понял раньше положения, в которое я вас поставил? Как я не догадался, наконец, в чем дело, когда вы просили Елену Николаевну приготовить меня к отказу?

— Приготовить вас к отказу! Это неправда! перебила я, вспыхнув.

— Как неправда? повторил Горнов, остолбенев.

Я себя не помнила.

— Неправда! Я вам отказала по ее просьбе, по ее мольбам. Она меня убедила, что я была помеха вашей взаимной любви и вашему счастью.

Горнов смотрел на меня во все глаза и менялся в лице.

— Неужели Елена скрыла от вас всю эту историю? спросила я.

— Нет... нет... она ее, разумеется, не скрыла от меня, но, признаюсь вам, тут есть обстоятельства, которые я не могу согласить... Тут какое-то странное недоразумение.

— Владимир Павлович, вы сомневаетесь в моих словах, воскликнула я с отчаянием.

— Нет! Сохрани Бог! Не в ваших... но в ее...

Горнов сказал последнее слово, понизив голос. Он понимал чутьем, что не я его обманывала. После минутного молчания он просил меня рассказать, как было дело, и я рассказала с самого начала и со всеми подробностями мое знакомство с Еленой. Горнов сделал несколько вопросов, в которых проглядывало не теплое участие ко мне, а желание убедиться, насколько Елена изменила правде. Его отрывистые движения и слова обнаруживали лихорадочное беспокойство. Несколько раз он брался за шляпу, но опускал ее опять на пол и спрашивал снова о мелочных подробностях моей истории, которую Елена рассказала ему по-своему. Я не узнавала флегматического Горнова.

— Я успела убедиться в холодности и в эгоизме ее сердца, сказала я в заключение; — она мне не сказала теплого слова с тех пор, как добилась своей цели; строки не написала в полгода.

Эти слова пробудили в нем один из тех душевных порывов, которые он редко обнаруживал, но зато их нельзя было забыть. Он схватил мои руки, осыпал их поцелуями и сказал со слезами на глазах:

— Если она забыла, я никогда не забуду.

Я склонилась к его плечу и зарыдала.

— Не судьба! промолвил Горнов.

Он прошелся по комнате и едва ли слышал две-три сказанные мной несвязные фразы. Он рвался к Елене за оправданием или на разрыв; я его не удерживала. Когда он уехал, я позвала Вареньку.

— Варенька, сказала я, задыхаясь от волнения и радости; — я знала, что она не сойдутся!

XI.

Да! Радость и надежда захватывали мне дыхание. Я не сомкнула глаз всю ночь. На другой день я ждала Горнова с минуты на минуту и нарядилась в то голубое платье, которое ему так нравилось. Мне хотелось не только собой, но и всею обстановкой воскресить в нем память прошедшего и прежние чувства. Цветы и мебель в гостиной я расставила в прежнем порядке и протвердила несколько раз одну мелодию Шуберта, которую он заставлял меня играть в зимние сумерки.

Матан чрезвычайно удивилась и, кажется, обрадовалась, когда о нем доложили. Она начинала догадываться, что я дорого бы дала, чтобы поправить свою ошибку.

Горнов согласился охотно отобедать с нами, и вот мы опять, как в былое время, сели за стол, Миша возле матан, а я рядом с Горновым.

Двадцать два года прошли с тех пор, однако мне памятна каждая минута этого дня. Мне было досадно, что Горнов не заметил моего голубого платья. Он находился в неопределенном настроении духа, то оживленном, то задумчивом; однако разговор не прекращался ни на минуту. После обеда матан не без намерения оставила нас с глазу на глаз.

Настало молчание. Горнов казался смущен, нам обоим было неловко. Я заговорила первая.

— Вы заметили, Владимир Павлович, что в нашей гостиной ничто не изменилось с прошедшей зимы? Здесь не доставало только вас.

— Правда, ничто не изменилось.

Он оглянул комнату и начал опять с принужденною улыбкой:

— А я разъяснил недоразумение, о котором мы говорили вчера... помните? Елена Николаевна признает себя кругом виноватою передо мной; что касается до вас, она была убеждена, что вы согласились неволей быть моею женой. Сознайтесь, что она не без основания это думала. Главная вина ее состоит в том, что она не решилась рассказать дело, как оно было... Но ее мучила совесть, и она готовилась мне во всем признаться с вашею помощью...

— С моею помощью?..

— Да... Она именно на то и рассчитывала, что вы мне все расскажете, и благодарит вас за то, что вы ее предупредили и сняли камень с ее сердца.

Я опустила голову и стала смотреть на пол. Наступило опять молчание, но не я его прервала на этот раз.

— Ах! сказал он вдруг: — Елена Николаевна к вам писала два раза. Она в отчаянии, что вам не передали ее писем.

— Странно! Я спрашивала несколько раз у ее горничной, нет ли писем, и получала отрицательные ответы.

Горнов слегка покраснел.

— Горничная солгала, возразил он. — Это ясно.

— Тем лучше.

Это слово ему не понравилось. Он стал натягивать перчатку, снял ее, бросил на стол и сказал, взглянув пристально на меня:

— Я был бы несчастлив, не только если б мог усомниться сам в ее искренности, но даже если бы кто-нибудь сомневался в ней. Я пробовал любить, не уважая любимую женщину, и не мог, не совладал с собой. Не дай мне Бог убедиться, что она солгала когда-нибудь! Вы не знаете,

как дорого обходится борьба страсти с нравственным чувством! Я ее уже испытал и, кажется, в другой раз не вынесу.

Он остановился на минуту и наконец повторил:

— Не вынесу! Не дай Бог обманывать сердце и воображение ложно приложенными словами: снисхождение, прощение. Утомишься, измельчаешь, пропадешь в собственных глазах среди этих переходов от любви к ненависти и от ненависти к любви.

— А ваша первая любовь долго продолжалась? спросила я.

— Пока я не убедился на деле, что ошибаюсь. Та женщина меня обманывала, уверила, что до меня она не любила никого. И зачем она меня обманывала? Я от нее не требовал отчета в прошлом, я бы ей простил все на свете. Услужливый приятель принес мне письмо, которое она написала одному из своих прежних... поклонников; я ей показал это письмо; знаете, что она сделала? Отказалась от своего почерка. Хоть бы она покраснела! Хоть бы голос у ней изменился!

Он остановился и прибавил, как будто возражая самому себе:

— Нет! Она... Елена Николаевна не умеет обманывать. Напротив! Ее беда состоит в том, что у ней вечно и для всех сердце на ладони. Конечно, у ней есть недостатки; но сильное, нравственное чувство облагораживает, возобновляет душу... Послушайте, продолжал он, если вы в ней хоть на сколько-нибудь сомневаетесь, не говорите мне этого, пощадите меня... Не то я пропащий человек. Вы меня не знаете; я готов обманываться, ослепляться добровольно, чтобы не дойти до сознания, что она не стоит моей привязанности.

Я было хотела возразить, он меня перебил:

— Что до вас касается, Настя, прошу вас смотреть на меня, как на неизменного друга. Рассчитывайте на мою дружбу, испытайте ее. Я буду счастлив, если мне придется доказать вам ее на деле.

Я ему протянула руку. Мы оба встали; проходя мимо рояля, я невольно остановилась...

Мелодия Шуберта лежала на пюпитре.

- Помните вы эту мелодию? спросила я, указывая на тетрадь.
- Как не помнить! отвечал он, прищуриваясь, чтобы взглянуть на ноты.
- Вы ее мастерски играете.

И он уехал.

XII.

В детстве любила я слушать рассказы доброй моей няни. Под их влиянием воображение рисовало передо мной фантастические образы, но ни один из рассказов не запечатлелся так сильно в моей памяти, как следующий:

«Идет старец по дорожке, черноризец по пустынной. Приустал он, притомился, голод и жажда его томят. Некому старца напоить, накормить, некому черноризца упокоить. И пришел он на долину, и во той во долине видит град великий, чудный. Много в том граде церквей Божьих златоглавых, много в том граде каменных палат, высоких хором, узорчатых теремов, улицы длинные, большие мостовые, переулкам да закоулкам и счету нет. Огляделся старец на все четыре страны и видит, что тот град ему родной, знакомый. Как бывал старец молод, обитал он в сем самом граде, много у него тут было родных и знакомых; радостно жилось ему в том граде, и любил он его всем своим сердцем. Перекрестился старец, Богу на все четыре страны помолился, граду родному до земли поклонился. И вошел он во град оный. Вот помышляет черноризец: найду я здесь и братьев, и родных, и знакомых, старых верных друзей неизменных. Напоят други меня, накормят, притомленного старца упокоят... Идет старец по улицам, жива человека не видит; бредет черноризец по переулочкам, и живой души не встречает. Стучится в окно, в другое, нет ему ни привета, ни ответа. Входит он на знакомый широкий двор — нет ему ни привета, ни ответа. Входит старец в знакомые хоромы — нет ему ни привета, ни ответа. Бродит старец по пустым хоромам — нет ему ни привета, ни ответа. И вопрошает сам себя старец: куда ж делись мои братья, мои родные, где мои старые приятели-друзи, где все люди сего града? Не пошли ли они в дом Божий, во Христову церковь — Господу молиться, угодникам поклониться, свечку поставить, молебен послушать, душеньки свои от

грехов очистить? Входит старец во храм Господень, входит черноризец в Божию церковь, и там все пусто, и там ни едина жива человека. И ходил старец по пустому граду три дня и три ночи; походил, походил и вышел. Сел у градских ворот и заплакал. И прилетала к старцу жар-птица, человеческим голосом ему возговорила: «Ох ты гой еси, старец-черноризец, не плачь ты, не кручинься, не тоскуй, не печалься; садись на мои золотые перья, понесу я тебя, жар-птица, за синее море на Блаженный остров, во град великий, во град богатый, во дворец хрустальный, в хоромы из камней самоцветных. В тех хоромах живет белолицая царевна — во лбу у ней ясно солнце, на затылке ясен месяц, во русых кудрях часты звезды.» Отвещал же старец жар-птице, отвечал, а сам горько плакал: «Не носи ты меня, жар-птица, за синее море, не прельщай ты старца дворцом хрустальным, не сули мне царевну белолицу. До чужих городов нет мне дела, приходил я во град родимый, не нашел я в нем ни привета, ни ответа.»

По отъезде Горнова вспала мне на ум нянина сказка. Каким-то символом она мне показалась. Пустой город — это душа, переставшая любить. В какой уголок ее ни постучи — везде пусто, для любви нигде нет ни привета, ни ответа. Дружба? Но эта царевна за синим морем.

Я сняла голубое платье, положила в сторону Шуберта, взглянула на мебель и цветы в опустелой гостиной и — заплакала, как черноризец у городских ворот ¹⁸ пустого города.

ОЛЬГА Н.

Works by Sofia Engelgardt (Olga N.)

Below is a chronological list of works published by Sofia Vladimirovna Engelgardt (Софья Владимировна Энгельгардт, Sophie Engelhardt, 1828–1894). Her last name had been Novosiltseva before her marriage, and she usually published under the pen name Olga N.

Only those works with hyperlinks, and the 1876 story “Martha,” have been verified. Other entries in the list have been compiled from past bibliographies, including this [1891 publication by the Imperial Academy of Sciences](#), this [1904 entry in the *Encyclopedic Dictionary*](#), this list from the [Great Biographical Encyclopedia](#), and the one from Zirin’s article on her in the [Dictionary of Russian Women Writers](#). See also the [recent online republications](#) of her works in modern Russian orthography by M. A. Biriukova on proza.ru.

Genre descriptions used as subtitles are translated as follows: *rasskaz* becomes “story,” *byl’* becomes “true story,” and *povest’*, which indicates a work longer than a *rasskaz* but shorter than a novel, becomes “novella” (rather than “tale”).

English titles should be treated as provisional. In many cases I have read only the title, and knowing the content of the work would require some of them to be changed.

You can find an updated version of this list [here](#).

1853

“[Деревня: Повесть](#)” (The Country: A Novella) *Otechestvennyye zapiski* 90 (September 1853).

“Утро вечера мудренее: Повесть” (Night Brings Counsel: A

Novella) *Otechestvennye zapiski* 91 (November 1853).

1854

[“Суженого конем не объедешь: Повесть”](#) (There’s No Escaping Your Intended: A Novella) *Otechestvennye zapiski* 92 (February 1854): 387-458. Zirin translates the title literally as “You Won’t Escape Your Intended Mate on Horseback” and describes it as “a rare first-person tale: a woman writes a letter to a new lover detailing the sad history of her longtime fascination with a monster of egotism named Iurii Nagibin.”

[“Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит: Повесть”](#) (Live Not As You Like, But As God Commands: A Novella) *Sovremennik* 48 (December 1854): 269-342. The cerebral Viktor Tarbenev has to decide whether to keep a promise to Anna’s dying mother to marry the young and incurious Anna, or whether he should instead marry the intelligent widow Lizaveta Vasil’evna.

1855

“На весь свет не угодишь” (You Can’t Please Everyone) *Otechestvennye zapiski* 98 (February 1855).

“Сон в руку: Рассказ” (A Prophetic Dream: A Story) *Panteon* (April 1855).

“Ум придет — пора пройдет” (By the Time You Figure It Out, It’s Too Late) *Otechestvennye zapiski* 101 (July 1855).

1856

[“Конь и о четырех ногах да спотыкается”](#) (A Horse Has Four Legs, and Even So It Stumbles) (play) *Otechestvennye zapiski* 108 (October 1856): 270-311.

1857

“[Старик](#)” (The Old Man) *Biblioteka dlia chteniia* 142 (March 1857): 25-49.

Translated by Erik McDonald as “[The Old Man](#)” (free download: [.mobi/Kindle .epub .pdf](#)), 2016.

1859

“Сила соломѹ ломит” (What Can the Mouse Do against the Cat?) *Biblioteka dlia chteniia* 153 (January 1859).

“Мираж” (Mirage) [I-XII](#) in *Russkii vestnik* vol. 21, book 1 (May 1859): 129-76, second part apparently in *Russkii vestnik* vol. 21, book 2 (May 1859)

1860

“[Обочлись: Повесть](#)” (They Miscalculated: A Novella) *Biblioteka dlia chteniia* 158 (January 1860): 1-84 (pp. 35-54 are missing from the linked Google Books copy). Title translated by Dodson.

“[Княжны Тройденовы: Повесть](#)” (The Princesses Troydenova: A Novella) *Russkii vestnik* vol. 25, book 1 (February 1860): 554-99. Zirin: “three sisters orphaned as infants by the War of 1812 grow old on their rundown provincial estate. Their personalities are set by the time the family fortune hidden from Napoleon’s troops is recovered in the 1850s, and the money no longer has power to change their lives.”

“Письма из Парижа” (Letters from Paris) *Moskovskie vedomosti* 162, 180, 199 (1860).

1861

“Скользкий путь” (A Slippery Slope) *Russkaia rech’* (1861): 83-89. A different source gives the title as “Скользкий шаг” (A Slippery Step). Gheith describes this story as an “elaborated society tale” (“Women of the 1830s and 1850s,” in *A History of Women’s*

Writing in Russia, ed. Adele Marie Barker and Gheith, Cambridge, England: Cambridge UP, 2002, p. 89).

[“Судьба или характер?”](#) (Fate or Character?) *Russkii vestnik* 36 (November 1861): 125-76. Zirin: Engel’gardt here “contrasts the lot of three women: a principled ‘woman of the ’60s,’ a religious idealist, and a flighty widow who takes life and men as she finds them.”

1862

[“Камень преткновения”](#) (A Stumbling Block) *Russkii vestnik* 42 (December 1862): 590-635. Zirin translates the title as “The Touchstone” and says that in it “the heroine finds men from both ends of the ideological spectrum, an uncritical admirer of Western ways and a fanatic Slavophile, equally repressive and patriarchal in their attitudes toward women.”

1863

[“Семейство Турениных”](#) (The Turenin Family) *Otechestvennyye zapiski* 146 (January 1863): 296-402. Gheith notes that Engelgardt here “places a female servant in the key narrative role” (“Women of the 1830s and 1850s,” p. 91).

1864

[“Два новоселья: Повесть”](#) (Two Housewarmings: A Novella) *Russkii vestnik* 52 (July 1864): 170-245.

[“Лиза”](#) (Liza) *Epokha* 8 (August 1864): 1-26. The beginning and end of the story is told by a male narrator, with a section inserted in the middle in the voice of the title character. The plot concerns a love triangle (or quadrangle), the question of whether it’s better to have an illicit affair or not when marriage is impossible, and the characters’ opinions of George Sand.

[“Где же счастье?: Повесть в письмах”](#) (Where Is Happiness?: A Novella in Letters) *Russkii vestnik* 53 (September 1864): 80-154. This work is signed with a Cyrillic “Н. О.” (N. O.) instead of “Ol’ga N.” For its authorship by Engelgardt see L. N. Nazarova, “Sovremennitsa ob ‘Ottsakh i detiakh,’” in [I. S. Turgenev: Voprosy biografii i tvorchestva](#), ed. N. N. Mostovskaia and N. S. Nikitina (Leningrad: Nauka, 1990), pp. 189-94.

See also Dubia, below.

1865

[“Два свидания”](#) (Two Meetings) *Russkii vestnik* 56 (March 1865): 216-76.

“Враг горами качает: Повесть” (The Enemy Shakes the Mountains) *Russkii vestnik* 59-60 (October-November 1865).

1867

[“Не сошлись: Повесть”](#) (It Didn’t Come Off: A Novella) *Russkii vestnik* 68 (April 1867): 776-817. Republished as a separate book the same year: *Не сошлись: Повесть Ольги Н.* (Moscow: Univ. Tip., 1867). 44 pp.

1868

[“Не одного поля ягоды: Повесть”](#) (Not Cut from the Same Cloth: A Novella) *Russkii vestnik* 76.2 (August 1868): 485-549.

1869

“Сон бабушки и внучки” (The Dream of a Great-Aunt and Great-Niece) *Vestnik Evropy* (June 1869): 647-?. Zirin: this story “weaves an intricate tapestry about the ways in which older women exercise power in the domestic sphere through control of the pursestrings and the exercise of a superstitious religiosity.”

1870

“Н. Ф. Щербина” (N. F. Shcherbina) *Zaria* 2 (May 1870): 67-93.

“На родине: Повесть” (In One’s Homeland: A Novella) *Russkii vestnik* 88 (August 1870).

1872

“[Так Бог велел: Повесть](#)” (So God Commanded: A Novella) *Russkii vestnik* 100 (August 1872): 532-96. Apparently republished as part or all of *Так Бог велел: Повести Ольги Н. Russkaia biblioteka* 5 (Moscow: Univ. Tip., 1907). 92 pp.

1873

Красное яичко (The Little Red Egg). *Knizhki dlia shkol* 71. Moscow: O-vo rasprostraneniia polezn. kn., 1873. 30 pp.

Рассказ матери Маргариты (Mother Margarita’s Story). *Knizhki dlia shkol* 73. Moscow: O-vo rasprostraneniia polezn. kn., 1873. 39 pp. [2nd ed.], Moscow, 1878. *Knizhki dlia shkol* 168. 40 pp.

Published [on proza.ru](http://on.proza.ru) in 2015 by M. A. Biriukova.

1874

“Воспоминания на даче: Отрывок из романа” (Recollections at a Summer Cottage: An Excerpt from a Novel) *Russkii vestnik* 112 (July 1874).

Коробейник: Три рассказа: 1. Звезда 2. Арапка 3.

Петушок колдун (The Pedlar: Three Stories. 1. The Star 2. Arapka 3. The Cockerel-Sorcerer). *Knizhki dlia shkol* 85. Moscow: O-vo rasprostraneniia poleznykh knig, 1874. 46 pp. 2nd ed., Moscow, 1890. 51 pp. 3rd ed., Moscow, 1897. 64 pp.

1875

Oeuvres de Pouchkine, traduites du russe par Sophie Engelhardt,

née de Novosiltsoff: Boris Godounoff; le Chevalier avare; Mozart et Saliéri; les Nuits d'Égypte (Pushkin's Works, Translated from the Russian by Sophie Engelhardt, née de Novosiltsoff: Boris Godunov, The Covetous Knight, Mozart and Salieri, Egyptian Nights), Paris: Berger-Levrault, 1875.

1876

“Марфа: Быль” (Martha: A True Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 1-2 (January 8th and 14th, 1876). Just before the emancipation, a peasant girl is seduced by a nobleman, then persuaded by a priest to keep the resulting child; after the child's early death, she becomes an increasingly proud and uncontrollable faith healer. Her story is mediated through two male voices: the narrator hears about her from the priest who intervened in her life.

1877

“Из давно прошедшего: Рассказ” (From the Distant Past: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 8-9 (1877).

“Заблудшая: Рассказ” (A Woman Gone Astray: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 12-17 (1877).

“Черный сургуч: Быль” (Black Sealing Wax: A True Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 32-35 (1877).

“Аришина тайна” (Arisha's Secret) *Sovremennye izvestiia* (issues from July 1878).

1878

“Рано или поздно: Рассказ” (Sooner or Later: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 1-2 (1878).

“Отцовский грех: Рассказ” (A Father's Sin: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 32-35 (1878). Republished as a separate book the same year: *Отцовский грех* ([Moscow]: tip. A Gattsuka, 1878). 34

pp.

1879

“Две любви: Рассказ” (Two Loves: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 4-9 (1879).

“Старая вера: Повесть” (The Old Faith: A Novella) *Russkii vestnik* 140 (March 1879).

“Царицыны четки: Рассказ” (The Empress’s Beads: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 35-42 (1879).

1880

“Селехонские: Рассказ” (The Selexhonskys: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 13-20 (1880). Republished as a separate book the same year: *Селехонские: Рассказ Ольги Н.* (Moscow: Tip. A. Gattsuka, 1880). 71 pp.

“Бабушкин дом: Повесть” (Grandmother’s House: A Novella) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 28-34 (1880).

Клад: Рассказ странника (The Treasure: The Story of a Wanderer), St. Petersburg: Dosug i delo, 1880. 24 pp. Published [on proza.ru](http://proza.ru) in 2015 by M. A. Biriukova.

1881

“[Злоба дня: Повесть](#)” (The Talk of the Town: A Novella) *Russkii vestnik* 152 (April 1881): 748-831.

1882

“Вечер на святках: Святочный рассказ” (A Yuletide Evening: A Christmas Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 1-7 (1882).

“Один Бог правду видит: Рассказ” (God Alone Sees the Truth: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 41-46 (1882).

1883

“Не первая и не последняя: Рассказ” (She’s Neither the First Nor the Last: A Story) *Russkii vestnik* (September 1883). Zirin: this story “depicts a woman’s involvement with a committed revolutionary terrorist and her disillusionment with the cause after the death of her lover in the assassination of Alexander II in 1881.”

“Человеческое сердце — загадка: Рассказ” (The Human Heart is a Riddle: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 2-7 (1883).

1884

“Доброе дело — красное яичко” (A Good Deed — The Little Red Egg) *Detskii otdykh* (1884). Cf. *Красное яичко* under 1873.

“[Быль сороковых годов](#)” (A True Story of the Forties) *Russkii vestnik* 174 (December 1884): 523-75. At the end of his life, Aleksei Merkulov, a despot by temperament who considers himself a liberal proponent of European enlightenment, mistreats his slaves, his daughter Grusha, and his illegitimate son Grigorii Lavrov, while spoiling his two legitimate sons through lenient child-rearing techniques inspired by Rousseau. His relative Aleksandr Struiskii, a onetime dashing officer, joker, and ladies’ man now turned devout and wise, cannot entirely show Merkulov the error of his ways. Lavrov learns the secret of his mother’s identity, but finds that she, a woman of high society, won’t acknowledge him.

1885

“Изгнанница Бориса Годунова: Историческая повесть” (She Was Exiled by Boris Godunov: A Historical Novella) *Detskii otdykh* (January-February 1885). Published [on proza.ru](http://on.proza.ru) in 2015 by M. A. Biriukova.

“Просьба на Екатерину II” (A Petition to Catherine II) *Detskii otdykh* (July 1885). Published [on proza.ru](http://on.proza.ru) in 2015 by the Biblio-Biuro Strizheva-Biriukovoi.

1887

“Из воспоминаний” (From My Memoirs) *Russkii vestnik* (October-November 1887). See also 1889, 1890.

1889

“Из прошлого” (From the Past) *Russkii vestnik* (July 1889). Published [on proza.ru](http://on.proza.ru) in 2018 by the Biblio-Biuro Strizheva-Biriukovoi. See also 1887, 1890.

“Русские люди и русский край” (Russian People and the Russian Land) *Detskii otdykh* (January 1889).

“Николай Алексеевич Северцов” (Nikolai Alexeyevich Severtsov) *Detskii otdykh* (1889).

1890

“Из воспоминаний” (From My Memoirs) *Russkoe obozrenie* (November 1890). Published [on proza.ru](http://on.proza.ru) in 2016 by the Biblio-Biuro Strizheva-Biriukovoi. See also 1887, 1889.

“Быль” (A True Story) *Sever*, no. 20 (1890).

1891

“Петр Иванович Корондеев: Быль” (Pyotr Ivanovich Korondeyev: A True Story) *Russkoe obozrenie* (May 1891).

Святочный рассказ (A Christmas Story), Moscow: A. A. Levenson, 1891. 27 pp. See also 1882.

1892

“Пропажа: Рассказ старосветского помещика” (What Went

Missing: The Story of an Old-World Landowner) *Russkoe obozrenie* (August 1892).

Dubia

One [source](#) lists “[Семейство Икимских: Повесть](#)” (The Ikimsky Family: A Novella) *Russkii vestnik* 52 (August 1864): 522-89 among stories by Engelgardt. However, that story is signed “Novinskaia” at the end of the story, in the table of contents, and when it was published as a [separate book](#). Novinskaia was apparently the pseudonym of [Anna Vasilevna Pavlova](#) (1852?-1877); Pavlova is listed in multiple sources as having been born in 1852, but surely either the birth year or the attribution of the pseudonym is incorrect, as “Novinskaia” began publishing in 1860.

Notes

[←1]

A multivolume history course for young readers called *Les Annales de la vertu* was published in 1781–82 by Mme de Genlis (1746–1830), a writer considered “safe” for children who was also mentioned in the works of Goncharov, Dostoevsky, Chernyshevsky, L. Tolstoy, and Leskov. My thanks to Alex K. and Steve Dodson for pointing out Mme de Genlis’s authorship and her frequent appearances in nineteenth-century Russian literature.

[←2]

Varenka uses the formal second-person plural when addressing her cousin, the narrator, in French, but the informal singular form in Russian.

[←3]

In the journal publication: пугола-книги.

[←4]

In the journal publication: A revoir, mignonne....

[←5]

In the journal publication: у Вариньки.

[←6]

In the journal publication: обидило.

[←7]

In the journal publication: Vous etes un ange!

[←8]

In the journal publication: сумашедшая.

[←9]

The journal publication has приторным, but the English translation treats this as a typo for притворным.

[←10]

In the journal publication: за vero.

[←11]

In the journal publication: Но я-то разве виновата, что он тебе прочел нравоучение.

[←12]

In the journal publication: раждается.

[←13]

In the journal publication: возмешь.

[←14]

In the journal publication: опъянел.

[←15]

In the journal publication: пожалуйста.

[←16]

In the journal publication: позволями.

[←17]

In the journal publication: последняя.

[←18]

In the journal publication: вoрoд.